

Елена Арсеньева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 72

Колдун с острова смерти
Дочь мертвеца

Елена Арсеньевна Арсеньева
Большая книга
ужасов – 72 (сборник)
Серия «Большая книга ужасов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918196

Большая книга ужасов 72 / Елена Арсеньева: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-97859-5

Аннотация

«Колдун с острова смерти»

Сашка чувствовал себя потерянным. И несчастным. Может быть, поэтому с ним и начали происходить неприятности? Вернее, даже не неприятности, а так... странности. Вечер за вечером он оказывается в городском парке, на месте которого когда-то, говорят, было кладбище. Один на пустых дорожках... И тогда фонари гаснут, темнота принимает очертания человека в плаще, а большая круглая луна отваливается от небосвода, становится плоской, как блин, и падает прямо на Сашку... Вот ведь глупости, да? Только почему мальчишка никак не может вспомнить, что происходит дальше? И не может вечерами усидеть дома?

«Дочь мертвеца»

Кто угодно, даже малыш ясельного возраста, способен отличить живого человека от давно умершего. И любой знает – мертвым положено вести себя тихо и лежать неподвижно... Такие мысли проносились в голове Сереги Сапожникова, когда он вдруг обнаружил, что делит купе с мертвецом. Кем еще может быть отвратительно пахнущее существо с зеленоватой кожей, синими губами и похоронной лентой на лбу? Но страшный попутчик смотрел и двигался, словно живой. Когда он засмеялся и протянул к мальчику руки, Серега не выдержал – и потерял сознание. Правда, вскоре он пришел в себя, но невероятные события на этом не закончились...

Содержание

Колдун с острова смерти	6
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Елена Арсеньева
Большая книга
ужасов – 72 (сборник)

© Арсеньева Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Колдун с острова смерти

*Духов увидеть, коими наполнен воздух...
Гримуар Гонория*

...Нетопырь резко спикировал и завис почти вплотную, так что Саша мог отчетливо разглядеть не только его лысую голову, на которой торчком стояли большие уши, но и жуткую острую морду. А потом нетопырь зацепился коготками за край лунного пятна – и поднял его в воздух вместе с распластавшимся на нем Сашей.

Как если бы это было не пятно света, а лоскут легкой шелковой ткани с нарисованным мальчишкой!

Нетопырь подлетел к человеку в черном, завис перед ним в воздухе, мелко трепеща кожистыми крыльями, и «нарисованный» Саша встретился взглядом с непроглядно-черными глазами.

– Имя, – прозвучал глухой, тяжелый, словно бы тоже черный голос, – день твоего появления на свет, место, где издавна властвовал вечный покой, знак смерти, который ты постоянно носишь с собой... Все совпало! Теперь ты мой помощник. Ты служишь мне, пока ночь владеет миром!

Он еще несколько мгновений рассматривал Сашино лицо, мрачно улыбаясь черным провалом рта, а потом пал на четвереньки, приник к земле – и, обернувшись черным рогатым

козлом, поскакал куда-то с невероятной скоростью, почти не касаясь ни травы, ни асфальта.

Нетопырь, сжимая зубками бледный, обметанный черным лоскут, летел над ним не отставая.

* * *

– Слушайте, вот это классно! – вдруг заорал Макс, быстрым движением мышки выделяя на экране фрагмент текста. – Оказывается, какой-то греческий философ Анаксимандр уверял, будто Землю накрывает невидимая небесная сфера с дырочками, за которой всегда пылает огонь, то сильнее – днем, то потише – ночью. Это пространство называлось Эмпирей. Отсюда произошло известное выражение «витать в эмпиреях».

– Известное? – прогнусавил Егор. Он недавно перенес сильнейший насморк (Егор славился умением простывать летом) и до сих пор гундосил. – Кобу?! Бде, даприбер, одо деизвестдо.

– Ну теперь-то известно, правда? – подмигнул ему Макс. – А еще знаете какой крутяк я нашел? Оказывается, когда греки против турок восстали в 1821 году, они содействовали неприятелю! И доставляли ему свинец для пуль!

– Как это? – удивился Егор. – Предатели, что ли, среди дих завелись?

– Да нет! – азартно возразил Макс. – Турки засели в Ак-

рополе – ну, это такое место историческое в Афинах, самое древнее-предревнее, Санька, наверное, там был, когда в Грецию ездил?

Саша качнул головой:

– Нет.

– Как так? – удивился Макс. – Быть в Греции – и не побывать в Акрополе?!

– Греция большая, – угрюмо ответил Саша. – Мы на Крите были, а не в Афинах.

– Ага, ты рассказывал, вы еще ездили на экскурсию на этот остров... как его... ну где прокаженные жили, – вспомнил Макс. – А в Лабиринте были? Ну где Тезей с Минотавром сражались?

– Лабиринт давным-давно засыпало при землетрясении, – буркнул Саша и пересел.

Он уже несколько раз пересаживался, чтобы не лезли в глаза фотографии на стенке. Смешные такие фотографии! Вот Витек на руках у отца. Витек младенец, можно сказать, а дядя Миша еще молодой, длинноволосый, как Мик Джаггер, зато без этой его устрашающей бороды. На втором снимке Витек первоклассник с огромным букетом белых астр в руках. Рядом его мама и папа – и бородища уже тут как тут! Хотя все геологи бородатые, это у них вроде как фейс-контроль такой: дядя Миша уверяет, что, если нет бороды, не возьмут в геологи.

А еще рядом с Витьком стоит Саша – собственной персо-

ной. У него тоже астры в руках, только синие. А рядом с родителями Витька – Сашины родители. Мама и папа... Улыбаются! Счастливые до ужаса!

Саша весь вечер пересаживался, чтобы на эту фотографию не смотреть, но она как заколдованная лезла и лезла в глаза.

У него раньше такая же в комнате висела. Точно такая же...

Но теперь не висит. Мама ее сняла и куда-то убрала. А может быть, и выбросила.

– Так что там с Акрополем и турками? – спросил Саша, чтобы отвлечь внимание ребят от своего очередного перемещения.

– А, ну да! – вспомнил Макс про свой крутяк. – Значит, турки засели в Акрополе, греки его штурмовали. У турок закончился свинец для пуль. А в этом Парфеноне плиты и части колонн скреплены свинцовыми скобами. Турки стали разрушать колонны, чтобы доставать свинец и лить из него пули. Тогда греки перепугались, что их главная святыня будет окончательно разрушена, и послали туркам партию свинца: пускай льют пули, пускай по восставшим стреляют, только бы Парфенон не трогали. Ничего так, да?

– Хватит уже врать, Макс! – рявкнул Витек.

– Думаешь, вру? Почитай сам, это исторический факт! – обиделся Макс. – Написано вот на этом сайте – «О Греции и ее чудесной истории». Тут всякие Анаксагоры, Анаксиманд-

ры, Лукианы и прочие древние греки собраны. О, вот еще крутяк... про одного вруна-предсказателя и его змею. Это Лукиан написал. Называется «Александр, или Лжепророк». Вот слушайте! – И он мрачным, загробным голосом продекламировал: – «О Геракл, избавитель от зла! О Зевс, отвратитель несчастий! О Диоскуры-спасители!¹ Лучше встретиться с врагом и недругом, чем иметь дело с человеком, похожим на Александра!» – Повернулся к Саше: – Слушай, это не про тебя написано? Ты ведь у нас тоже Александр!

И покатился со смеху. Захохотали все, даже Саша.

– В Интернете чего только не найдешь, – отсмеявшись, бросил Витек. – Но у меня уже мозги заквасились. Картинок скопировали целую флешку! Смотрите, какие гоплиты, пельтасты, экдромой, псилои!² Какие костюмы! А кто все это

---

¹ Геракл – герой многих мифов, известен своими двенадцатью подвигами. Согласно некоторым историям, Геракл убил страшное чудовище – Харибду, которая похитила у него быков Гипериона (десятый подвиг), и избавил от бед многих моряков, которые гибли раньше в узком проливе между Сциллой и Харибдой. Зевс – верховное божество греческой мифологии, громовник, то есть обладатель всемогучей громовой стрелы, которая поражала злые силы и отвращала беды от людей. Диоскуры – Кастор и Полидевк, сыновья Леды и Зевса, участники похода аргонавтов, Калидонской охоты и многих героических событий греческой мифологии. Считались воплощением воинской доблести, поэтому их и призывали на помощь.

² Гоплит – в Древней Греции тяжеловооруженный пеший воин. Слово происходит от названия тяжелого круглого щита – гоплон. Легкий щит назывался «пельте», поэтому воины, носившие его, назывались пельтасты. Экдромой – бегуны: корпус для быстрого нападения, быстрых тайных действий. Псилои (псилы) – лучники и пращники, легкая стрелковая пехота.

распечатывать будет, чтобы в ателье портным показать? У тебя дома есть цветной принтер, Макс? Нет! У меня тоже нет. И у Егора нет – правда, Егор? Или у тебя где-нибудь спрятан цветной принтер – под кроватью или там в посудомоечной машине?

Это он так шутил, Витек.

– Дету у дас придтера! И посудобоечной башиды тоже дету! – прогундосил в ответ Егор.

– Само собой! – воскликнул Витек. – А чтобы распечатать наши картинки где-нибудь, ну я не знаю, в каком-нибудь офисе, надо деньги платить. Вроде бы десятку стоит картинка. А у нас их тут штук двадцать минимум. Лично у меня нету лишних двухсот рублей.

– И у бедя дету, – сообщил Егор.

– И у бедя, – передразнил Макс.

Саша промолчал. Во-первых, у него тоже не было лишних двухсот рублей, а во-вторых, он уже чувствовал, к чему клонит Витек...

И угадал!

– А между прочим, у Сашкиного бати классный принтер на работе стоит! – воскликнул Витек. – И вообще – ну к кому мы ради нашей исторической реконструкции должны за помощью обратиться, если не к нему? Главный художник ТЮЗа, все такое... Василий Николаевич мог бы и костюмы для нас заказать в мастерской театральной, а в этой... как ее... реквизиторской нам бы щиты, шлемы и мечи сделали. А?

Витек, хоть и лучший Сашин друг, наглец исключительный и, что характерно, с годами все больше наглеет. Ему только дай губу раскатать!

В другое время можно было бы над этим посмеяться, но сейчас не другое время. Сейчас такое время, что вообще не до смеха.

Главное – сдержаться и никому не показать, как тебе... как тебе ужасно. Как тебе невыносимо!

– Театр на гастролях в Саратове, отец тоже там, – сдавленно проговорил Саша. – Придется нам самим выкручиваться.

Заметил кто-нибудь, что он сказал «отец», хотя раньше всегда говорил «папка», «мой папка»?

Раньше говорил, да, было дело. А теперь... а теперь папка уже не его.

Слава богу, никто не заметил ничего необычного в его голосе, никто ничего не просек. Все, не только Витек, устали от нескольких часов сидения у компьютера, от мечтаний, как их группа возьмет все призы за оригинальность замысла, от споров над каждым костюмом.

Больше всего смущал вопрос трусов.

Трусов в Древней Греции не носили. Все неприличные места прикрывали свисавшим из-под кольчуги толстым кожаным передником, который назывался «претугес» – «крылья».

– Нет, ребята, я без трусов не пойду, – заявил Макс. – Претугесы претугесами, а я без трусов не пойду!

– Да никто не пойдет, – успокоил его Витек. – Что мы, больные, что ли? Только ты не вздумай натянуть какие-нибудь боксеры в цветочек – только плавки!

– Стридги! – захихикал Егор. – Дадо дадут стридги!

Все снова захохотали. Саша тоже. Это была хоть какая-то разрядка. Но его веселья надолго не хватило. Ужасно захотелось уйти домой и забиться там в какой-нибудь угол. И сидеть одному, ни о чем не думая, не отвечая на дурацкие вопросы Егора, не ведясь на еще более дурацкие подначки Витька, не слушая Макса, который все бубнил какую-то древнегреческую чухню из Интернета...

Наверное, это погано, но Саша втихомолку радовался, что баба Люба заболела в своем Арзамасе и мама уехала к ней. Заболеешь тут, от таких-то событий... Бабулю жалко, конечно, но хорошо, что Саша с мамой могут пока не встречаться и не строить друг перед другом бодрячков и весельчаков. Потому что бодрости и веселья нет ни у кого.

Самое невыносимое было слышать, как мама плачет ночью: тихонько, чтобы Сашу не разбудить. Однако он и так почти не спит. Он и сам бы плакал, да не может. Стыдно ему. Вот если бы отец умер, было бы другое дело, тогда это было бы нормально – плакать. А так...

Нет.

Надо просто перетерпеть. Что он, единственный на свете мальчишка, которого бросил отец? Небось и другие есть. До фига их!

Вот интересно: те, другие мальчишки, – они тоже с ума от горя сходили или просто плечами пожали – и продолжали себе жить дальше?..

Вопрос такой: а жить дальше – как?

В эту минуту в комнату заглянула Ирина Ивановна, мама Витька, и, зевая, спросила:

– Гости, вам хозяева не надоели? Вообще одиннадцать уже, вы не заметили? Ваши родители, наверное, там с ума сходят. Или вы им позвонили, предупредили, что задерживаетесь?

Егор и Макс в ужасе переглянулись, потом как по команде выхватили из карманов свои оранжевые «Майкрософты», да так и ахнули: мобильник Макса вообще разрядился, а Егор у своего нечаянно выключил громкость. И у него десять неотвеченных вызовов, ничего себе! Ну, после этого, конечно, все торопливо простились, договорились встретиться завтра у Егора и полетели по домам.

То есть кто полетел, а кто побрел нога за ногу.

Легко догадаться, что брел именно Саша. Домой ему не хотелось...

* * *

Сашин телефон лежал в кармане и не звякнул ни разу. И сообщения не пришло ни одного... И дома его никто не ждал – спешить было незачем.

Саша брел и думал все про то же: как они будут жить дальше? И как объяснить ребятам, куда пропал отец? Можно продолжать отвираться: мол, он на гастролях в Саратове, но этого вранья надолго не хватит – только до конца лета, пока ТЮЗ не вернется в Нижний. Хотя можно наплести, будто отцу предложили работу где-нибудь в другом городе, но там нет нормальной квартиры, поэтому он семью пока оставил здесь. Ну да, наплести можно что угодно, но вот вернется ТЮЗ с гастролей, появится афиша с анонсом премьеры, а там будет написано: «Главный художник – Василий Денисов». Или на улице его обязательно кто-нибудь встретит, Витек или Макс...

И тогда все узнают, что Сашку Денисова бросил отец.

Но это ерунда, что все узнают. Самое главное – ничего не исправить, прошлого не вернуть! Отец не вернется. Вот это страшнее всего...

Совершенно утонув в своих мрачных мыслях, Сашка вдруг осознал, что стоит у входа в парк Кулибина, и с досадой сморщился. По привычке пошел короткой дорогой, дурак, а ведь именно в этом парке расположен ТЮЗ. До чего тяжело видеть здание, где ты, можно сказать, вырос, сидя за кулисами на репетициях или играя в огромной, с высоченным потолком мастерской главного художника и, сначала со страхом, а потом весело, как со старыми знакомыми, болтая с тремя головами Змея Горыныча (Старшая – храбрая, Средняя – умная, Младшая – глупая) – реквизитом самого люби-

мого Сашиного спектакля «Иванушка-богатырь и Змей Горыныч»... Днем он старался обходить и ТЮЗ, и парк стороной, а сейчас вот приперся сюда на автопилоте. Но, честно, поворачивать и идти другой дорогой сил просто нет. Ладно, кругом темнотища, освещены только аллеи. Надо покруче забрать вправо, пробежать подальше от ТЮЗа, а налево вообще голову не поворачивать, чтобы ненароком не наткнуться взглядом на бледно-серое бетонное здание...

Внезапно над Сашиной головой вздрогнула ветка ясеня: узорчатая тень на освещенной дорожке заплясала. И под ноги плюхнулся комок с крыльями.

Воробей... перебулгаченный какой-то. Наверное, спросонок с ветки сорвался. Вот он вспорхнул, метнулся в кусты, но тотчас оттуда донесся душераздирающий писк, а еще через миг на дорожку вылетели два окровавленных перышка.

Сашка остолбенел.

Что-то звучно чавкнуло в кустах, а потом оттуда раздалось протяжное, довольное, сытое:

– Ме-е! Ме-е-е!..

Сашка оглянулся через плечо. Там, сзади, освещенная улица Горького, сияющий огнями ночной клуб, в помещении которого когда-то – давно, еще до Сашкиного рождения, – находился кинотеатр «Спутник». Нужно было повернуться и рвануть туда, к свету, людскому гомону, разухабистой музыке, долетающей из окон клуба, но Сашка ни одной ногой не мог шевельнуть, как будто шнурки переплелись между

собой.

Наверное, заорал бы дурным голосом, если бы язык не отсох, а губы не склеились от страха.

Откуда в парке мог взяться козел? И что это за козел, который жрет воробьев?!

В сумятице ужастиков, которые замельтешили в Сашиной голове при воспоминании о том, что парк Кулибина разбит в 30-х годах прошлого века на месте, где находилось кладбище, то есть под ногами покоятся кости мертвецов, вдруг мелькнула вполне отрезвляющая и успокаивающая догадка.

«Ну я и дурак! – подумал Саша с облегчением. – То есть реальный идиот! Да ведь на уроке краеведения рассказывали, что все останки отсюда давным-давно вывезли. Оставили две могилки: самого изобретателя, Ивана Кулибина, в честь которого парк назвали, и бабушки Максима Горького. А других мертвецов вывезли! Это во-первых. А во-вторых, никакой не козел мемекал, а кот мяукал! Это было не «ме-е», а «мяу»! Мне просто послышалось. В кустах сидел котяра, он поймал воробья и слопал!»

Конечно, воробья жалко, но что поделать: кошки птиц, случается, лопают. А птицы, в свою очередь, питаются комариным народом, как говорил отец...

И опять при воспоминании о нем стало тошно до невозможности, зато мимолетный страх исчез. Сашка решительно шагнул вперед – и рухнул на колени.

Ноги его будто бы накрепко связали в щиколотках!

Да что ж это такое?!

Саша затравленно огляделся, чувствуя, что темнота ночного парка словно бы смотрит на него, вкрадчиво заглядывает в глаза, что деревья не просто шумят листвой под легким ветерком, а будто переговариваются на разные голоса... и совсем даже не факт, что это голоса листвы.

А чьи? Чьи тогда?!

Кто шепчется, кто бормочет, кто вздыхает там, и там, и там? Саша еле успевал вертеть головой, словно пытаюсь услышать подсказку, но не понимая в ней ни слова.

Какая-то назойливая ветка наклонилась над ним низко-низко и слегка подергивала за волосы. Саша в бессмысленном раздражении все отбрасывал ее, отбрасывал, но без толку: она цеплялась снова и снова.

Впрочем, сейчас было не до ветки. Он ясно видел, как обступившая дорожку высокая трава тянется к нему, отталкивая одна травинка другую, словно каждая норвила первой дотянуться до него и впитаться в его тело.

Трава – впитаться?! Ну да, Саша чувствовал это кровождающее желание!

Недавно он читал одну книжку: это был ужастик о том, как ведьма, похороненная на каком-то кладбище, вселила свою мстительную ненависть в траву и та принялась уничтожать людей.

Так что от травы всего можно ожидать. Тем более что здесь все-таки раньше было кладбище! Почем знать, не по-

хоронена ли и здесь какая-нибудь ведьма и не...

Господи боже! Саша почувствовал, как земля под ним задрожала, и его как стрелой пронзило ужасной мыслью: что, если и впрямь не всех мертвых отсюда вывезли? Что, если некоторые остались – и сейчас пытаются выбраться на свет божий, вернее на тьму?!

Спустя мгновение Саша кое-как докумекал, что это не земля дрожит, а он сам. Попытался подняться, однако ноги по-прежнему оставались связанными или склеенными. К тому же подошву правой ноги что-то отчаянно пекло. Будто наступил где-то на уголек и этот уголек теперь прожог подошву и уже добрался до кожи...

«Я не наступал ни на какой уголек! – мысленно твердил себе Саша, пытаясь обрести хоть толику здравомыслия. – Я точно знаю, что не наступал! Эта боль мне мерещится – точно так же, как мерещатся склеенные ноги, как мерещатся эти цепкие пальчики, которые то и дело подергивают меня за волосы, как мерещится, будто гаснет один фонарь за другим...»

А вот это уже не мерещилось. Фонари и в самом деле гасли во всем парке один за другим, словно кто-то невидимый выключал их волшебным делюминатором профессора Дамблдора. Наконец дорожки утонули во тьме. Похоже, во всем парке осталось только одно светлое пятно: то, в центре которого стоял на коленях Саша.

Он задрал голову: оказывается, это лунный луч, пробив-

шийся сквозь тяжелые, сплошь черные облака, оставил на дорожке бледное пятно.

Саша перевернулся с колен на пятую точку и попытался рассмотреть, что там произошло с кроссовками.

Уж лучше бы он этого не делал!

Лунный свет был слабым, полумертвым, однако его вполне хватило, чтобы Саша увидел: рядом с белыми шнурками в его кроссовках появились черные, блестящие, похожие на тонкие скользкие провода. Нет, оказывается, это один провод, который совершенно непонятным образом зашнуровал обе кроссовки, завязался узлом, да еще и обвил свободными концами щиколотки!

Не веря глазам, Саша коснулся провода пальцем, и тот вдруг раздраженно зашипел, дернулся... и оказалось, что это вообще не шнурок, не провод: черная длинная тоненькая змейка подняла узкую голову и смотрит на Сашу злыми блестящими глазками.

– Ох, мамочка, – пробормотал он, но тотчас умолк, потому что неподалеку раздался чей-то голос:

– Александр!

С перепугу Саша даже не сразу понял, что зовут его, зато вспомнилось, как Макс совсем недавно декламировал: «О Геракл, избавитель от зла! О Зевс, отвратитель несчастий! О Диоскуры-спасители! Лучше встретиться с врагом и недругом, чем иметь дело с человеком, похожим на Александра!»

Вот ведь лезет в голову всякая чепуха, от которой еще

страшной становится! А между тем кто-то зовет Сашу – какой-то человек, нормальный человек, который сейчас придет на помощь, который развеет весь этот кошмар.

– Да! Это я! Я здесь! – радостно заорал Саша, и тотчас из кустов выдвинулся какой-то силуэт.

Это был огромный рогатый козел, и в тусклом лунном свете стало видно, что к его трясущейся бороде – он непрестанно что-то жевал – прилипли окровавленные перышки.

Резко мотнув головой, так что перышки разлетелись в стороны, козел вздыбился – и через миг перед Сашей возник высокий человек, облаченный в черное. Лицо его тоже было черным, и тяжелые темные веки почти прикрывали глаза.

Он выпростал из-под своего одеяния руку и, соединив указательный и большой пальцы, сделал несколько странных круговых движений.

В то же мгновение цепкие ветки выпустили Сашины волосы. Раздался резкий шум, потом пронзительный писк, и Саша обнаружил, что перед ним, расправив широкие кожистые крылья, реет какое-то жуткое существо. Взглянув на круглую, гладкую, лишенную перьев и шерсти голову, он почему-то вспомнил смешное слово: *chauve-souris*. Это значит «лысая мышь». Так французы называют летучих мышей, нетопырей. Уж не эта ли тварь только что дергала его за волосы?!

Сашу от отвращения затошнило, а потом и вообще чуть не вырвало, потому что нетопырь бесцеремонно опустился

ему на ногу и своей мерзкой лапкой, похожей на ссохшегося длинноногого паука, выдернул змейку из кроссовок.

Ногам сразу же стало легче; Саша дернулся было, чтобы вскочить и бежать, однако нетопырь разинул треугольную пасть и зашипел так яростно, что мальчик испуганно замер.

Нетопырь выпустил змейку из своих коготков. Она упала на пятно лунного света и принялась сновать по его краям туда-сюда, вверх-вниз, оставляя за собой четкий черный след. Саша не мог оторвать от него глаз: этот след напомнил ему шов – петельный шов, которым мама обметывала салфетки. Она покупала яркую ткань, резала ее на квадраты и аккуратно обшивала, причем нитки всегда были другого цвета: оранжевые на зеленом, синие на желтом, красные на синем, и это получалось очень красиво. Точно таким же петельным швом покрывались края лунного пятна: черным на бледно-желтом. Но этот шов выглядел не красивым, а пугающим!

Чем дольше Саша как загнипнотизированный следил за движениями змейки-иглы, тем большая слабость его охватывала. Он уже не мог сидеть, а прилег, сначала скорчившись, а потом и распластавшись на светлом пятне. Странное такое возникло ощущение: как будто он уменьшается и сливается с этим пятном...

Тем временем змейка «обметала» все пятно, и Саша оказался внутри черных границ. Это его почему-то несколько не беспокоило. Его почему-то уже ничто не беспокоило...

Нетопырь резко спикировал и завис почти вплотную, так что Саша мог отчетливо разглядеть не только его лысую голову, на которой торчком стояли большие уши, но и жуткую острую морду. А потом нетопырь зацепился коготками за край лунного пятна – и поднял его в воздух вместе с распластавшимся на нем Сашей.

Как если бы это было не пятно света, а лоскут легкой шелковой ткани с нарисованным мальчишкой!

Нетопырь подлетел к человеку в черном, завис перед ним в воздухе, мелко трепеща кожистыми крыльями, и «нарисованный» Саша встретился взглядом с непроглядно-черными глазами.

– Имя, – прозвучал глухой, тяжелый, словно бы тоже черный голос, – день твоего появления на свет, место, где издавна властвовал вечный покой, знак смерти, который ты постоянно носишь с собой... Все совпало! Теперь ты мой помощник. Ты служишь мне, пока ночь владеет миром!

Он еще несколько мгновений рассматривал Сашино лицо, мрачно улыбаясь черным провалом рта, а потом пал на четвереньки, приник к земле – и, обернувшись черным рогатым козлом, поскакал куда-то с невероятной скоростью, почти не касаясь ни травы, ни асфальта.

Нетопырь, сжимая зубками бледный, обметанный черным лоскут, летел над ним не отставая.

Вместе с лоскутом Саша мотался из стороны в сторону, краем оцепеневшего сознания слабо удивляясь тому, как

быстро мелькают под ним улицы. Вмиг позади остался парк, и улетела в сторону Ошарская с длинной цепочкой рельсов, а это уже перекресток Ванеева-Республиканской, потом улица Панина вытянулась вниз, к Полтавской, и вот уже Высоково замаячило, и большая церковь на взгорке... Но вдруг нетопырь завис в воздухе, и Саша разглядел ограду небольшого кладбища, расположенного позади церкви, и нетопырь резко спикировал на плечо человека в черном, в которого вновь обратился козел.

Человек взял у нетопыря лоскут и склонился к одному из надгробий. Оно было окружено оградкой, в которой оставалось место для еще одной могилы. В отличие от большинства других, заросших травой и явно заброшенных, этот участок выглядел аккуратным и ухоженным.

Человек в черном поднес лоскут к надгробию так близко, что Саша успел увидеть портрет пожилого мужчины. У него были лихо закрученные, совершенно мушкетерские усы. Саша прочитал имя на памятнике: *Павел Алексеевич Порошин*. Дату рождения и смерти разглядеть не успел: человек в черном скомкал лоскут вместе с Сашей и тщательно протер им памятник.

Саша ощутил лютый, необычайный, ни с чем не сравнимый холод и боль в сердце! Была она такой сильной, что на какое-то мгновение почудилось, что он умирает. Но вот нетопырь вновь схватил лоскут, стремительно взмыл в высоту и понесся к центру города. Внизу изогнулась темно-свин-

цовая река, мелькнула Верхне-Волжская набережная, прозрачно-белый дворец Рукавишниковых – краеведческий музей, проплыл корпус Политехнического института, о котором втихомолку мечтал Саша – ну что когда-нибудь поступит туда, – а потом потянулась вереница красивых старинных домов, во двор одного из которых стремительно спустился нетопырь. Немного покружив, он подлетел к распахнутому окну, за которым реяли прозрачные занавески.

Нетопырь положил лоскут с черной каймой на подоконник и бесшумно канул в ночную тьму.

Легкий сквозняк шевельнул занавески и сдул лоскут с подоконника. Однако тот не упал, а медленно, плавно поплыл по воздуху в глубину комнаты, в которой сильно пахло лекарствами.

Саша узнал запах валокордина, которым часто пользовалась бабушка. Но он находился не в бабушкиной, а в совершенно чужой квартире и не мог понять, то ли он летит вместе с лоскутом, то ли идет по паркетному полу, не касаясь, впрочем, его ногами, неспешно направляясь к кровати, на которой кто-то лежал.

Похоже, этот человек то ли услышал, то ли почувствовал его приближение, потому что шевельнулся, чуть приподнял голову с подушки – и Саша увидел немолодую, очень худую женщину, в белой ночной рубашке с кружевным воротничком. Женщина смотрела на Сашу с радостным изумлением.

– Пашенька! – выдохнула она. – Неужели это ты?!

«Почему «Пашенька»? – удивился Саша. – И почему она так обрадовалась? Разве мы знакомы? Я ее не знаю! Никогда раньше не видел!»

– Пашенька, наконец-то ты за мной пришел, – шепнула женщина. – Я так измучилась от этих болей! Спаси меня от них! Забери меня с собой! Наконец-то мы снова будем вместе, как...

Ее худая рука слабо дрогнула, показывая куда-то в сторону. Саша покосился туда и увидел фотографию в затейливой рамке, которая стояла на столике около кровати. На фотографии были изображены мужчина и женщина – довольно молодые, примерно такого же возраста, как Сашины родители. У мужчины были лихо закрученные мушкетерские усы.

Точно такие же, как у того человека на надгробии!

– Все, Пашенька, – чуть слышно прошелестело рядом. – Идем. Идем скорей!

Сашка повернул голову и снова встретился взглядом с женщиной. Ее глаза были полны слез, но губы слабо улыбались. Саша смотрел, смотрел на нее... И вдруг понял, что она его уже не видит. Она умерла!

Внезапно он ощутил, что ноги его отрываются от земли, будто какая-то сила поднимает его вверх, и не сразу сообразил: это нетопырь снова вцепился в лоскут и выносит его из комнаты, поднимается в высоту, стремительно летит, взрезая воздух крыльями, над городом, снижается над парком – и внезапно разжимает зубы!

...Саша открыл глаза и долго смотрел на что-то темное, жесткое, на чем он лежал. Не сразу удалось сообразить, что это асфальт.

Приподнялся, огляделся.

Что ж такое?! Почему он лежит на дорожке в парке Кулибина? Споткнулся, когда шел от Витька, упал – и что? Сознание потерял, что ли?

Стало жутко.

Вскочил, огляделся.

Как хорошо, что все аллеи так ярко освещены фонарями! Как хорошо, что так ярко освещена Белинка! Как хорошо, что дом почти рядом!

Саша со всех ног кинулся бежать, от спешки спотыкаясь и заплетаясь ногами, изо всех сил пытаюсь вспомнить, как же это умудрился упасть в парке, но ничего вспомнить не смог.

* * *

Проснулся он с тяжелой головой и противной ломотой во всем теле. Так бывало, когда начиналась простуда. Но она обычно настигала его зимой, а сейчас никакая не зима – сейчас лето, погода чудесная. Солнце всю светит в окно, небо сияет невероятной голубизной, пахнет влажной свежестью дворового садика. Весна в этом году грянула необычайно дружная, поэтому цвело все сразу: и сирень, лиловая и белая,

и яблони, и жасмин, который, оказывается, правильно называть чубушником, но ужасно неохота такое красивое и чудесно пахнущее растение называть таким деревянным словом.

Да, лето, да, тепло... а тело ломит. Неужели Саша простыл, пока валялся вчера на асфальте? Похоже, он решил уподобиться Егору с его любимой привычкой чихать и кашлять в самую жару! И что теперь делать? Пить какие-то таблетки?

Он угрюмо побрел на кухню, выдвинул ящик стола, в котором были навалены всевозможные лекарства, и поковырялся в них. Названия ничего ему не говорили. Про них все знала мама, но мама сейчас в Арзамасе. Можно, конечно, позвонить и спросить, что делать, какое лекарство принять, но неохота. Мама разволнуется, а уж насчет Сашиного здоровья она волнуется так, как будто инопланетяне высадились на соседней крыше и чихнули на любимого сыночка. Ну а папа принципиально ни от чего не лечился, уверяя, что все само пройдет, – и оно в самом деле проходило, даже грипп, от которого остальные в лежку лежали.

Папа сейчас бы...

Нет!

Саша зло мотнул головой и задвинул ящик стола с такой силой, как будто там лежали не лекарства, а все его воспоминания об отце – такие тяжелые, мучительные... и в то же время такие дорогие и незабываемые.

Зазвонил мобильник. «Витек» – высветилось на экране.

Саша мельком глянул на часы – да так и ахнул. Ничего себе, поспал он! Уже половина двенадцатого! А ведь они договорились встретиться в одиннадцать у Егора. Ребята, наверное, все собрались, ждут его и ругаются.

– Витек, я все, я собираюсь! – завопил он, плечом прижимая трубку к уху и пытаясь в этой неуклюжей позе освободиться от майки и пижамных штанов. – Проспал нечаянно!

– Куда ты собираешься? – удивился Витек.

– Ну мы же договорились к Егору пойти, ты что, забыл? – озадачился Саша.

– А, так ты еще ничего не знаешь... – протянул Витек.

– Чего я не знаю? – насторожился Саша.

– У Егора сегодня ночью тетя умерла. Он, конечно, со своей мамой поехал туда с утра пораньше. Так что встреча отменяется.

– Ну, меня он не предупредил, – пробормотал Саша растерянно, замерев в одной пижамной штанине.

– Да он никого не предупредил, – вздохнул Витек. – Просто Макса роды сегодня с утра пораньше припахали на дачу ехать – ну, типа страшная месть за то, что он вчера практически до полночи где-то шляется и на звонки не отвечает. Теперь будет там три дня торчать кверху попом на грядках. Он как узнал про это, позвонил Егору – сказать, что не придет, – а тот ему и говорит: такие дела, у нас траур. Макс мне перезвонил, но тоже буквально вот только что, потому что я тоже проспал, он меня уже по пути в свою Киселиху вызвонил.

– Понятно, – пробубнил Саша. – Ну, мы можем с тобой вдвоем поискать картинки или на Щелковский хутор съездить: там, говорят, купаться вполне можно.

– Не, меня не пустят, – вздохнул Витек. – Я совсем забыл – у мамы завтра день рождения, юбилейчик, тридцать пять лет, придут гости, и она сегодня решила закатить генеральную уборку: окна мыть, то да се. Отец на работе – получается, я главная боевая единица.

– Повезло тебе, ничего не скажешь! – посочувствовал Саша. – Ладно. Я тогда сам в инете полажу, картинки посмотрю, может, что-то еще выберу.

– Да хватит картинок уже! – раздраженно крикнул Витек. – Сколько можно? Их надо распечатать и братья за костюмы. Ну попроси отца, ну пусть он распечатает их у себя в театре! У них качество принтера офигенное!

– Витек, – скрежетнул зубами Саша, – я ж тебе говорил, что отец на гастролях в Саратове вместе с театром!

– Сашка, – сказал Витек, и в голосе его явственно сквозила обида, – ну чего ты гонишь? Театр, может быть, и на гастролях, но Василий-то Николаевич в городе! Ну не хочешь его просить распечатать, так и скажи, а чего врать, да еще многоэтажно? Макс, когда мне звонил, сказал, что видел твоего папу в Мещере, пока их электричка перед Борским мостом притормозила. Он мимо переезда шел.

– Кто, мост? – глупо спросил Саша.

– Сам ты мост! – окончательно обиделся Витек. – Васи-

лий Николаевич там шел! Макс говорил, он был в этой своей знаменитой серой футболке, на которой сам трафарет сделал: «Я ♥ ТЮЗ-НН!» С сердечком! Так что... Помнишь, у Драгунского: нет ничего тайного, что не стало бы явным. И это точно! Ладно, мне пора. Созвонимся потом, когда все освободятся. Может, тогда и ты врать перестанешь!

С этими словами Витек отключился.

Несколько минут Саша тупо смотрел на свой телефон, потом отшвырнул его так, что тот скользнул по кровати и завалился за нее. Но Саша за ним не полез, а плюхнулся ничком, уткнувшись лицом в подушку.

Вот, значит, как... Вот как, значит! Значит, там, в микрорайоне Мещерское озеро, который все нижегородцы для краткости называют просто Мещерой, живет та женщина, ради которой отец бросил семью. И там, значит, у него такая любовь, что он даже на гастроли с театром не поехал. Раньше такое представить было невозможно – чтобы он оставил свои драгоценные декорации и костюмы без присмотра! Каждое лето Саша с мамой навещали его то в Ульяновске, то в Казани, то в Астрахани, то в Екатеринбурге – словом, везде, где в это время гастролировал ТЮЗ. Но теперь... теперь все переменялось. Мир встал с ног на голову, и Сашка чувствовал себя так, словно свалился в какое-то нереальное гиперпространство и висит там, окруженный со всех сторон горем и обидой. Ну хоть бы что-нибудь случилось, что бы отвлекло его! Хоть что-нибудь... хоть ненадолго... Как жаль, что у

Егора умерла тетя: из-за этого встреча с ребятами сорвалась, отвлечься нечем. Ну, тетю эту тоже жалко, конечно, хотя Саша ее никогда в жизни не видел, просто знал, что у Егора есть тетя, которая живет где-то на Верхне-Волжской набережной, в одном из этих красивых старинных домов...

Виски внезапно прострелило такой болью, что Саша вскрикнул. Даже в пот бросило! Боль почти сразу прошла, но от сквозняка, метавшегося между раскрытыми во всей квартире окнами, стало холодно до дрожи. Саша побрел в ванную и долго стоял под горячим душем. Потом съел кусок сыра с яблоком – греть кашу или жарить яичницу было неохота – и завалился на диван. Идти куда-то он не решался. Боялся, что не справится с собой: вскочит в маршрутку, которая идет на Мещеру. Боялся, что зайвится туда и будет там шляться по улицам в надежде увидеть отца!

День прошел в тасовании телевизионных программ и пустейшем блуждании по Интернету, причем Саша дважды наткнулся на этого дурацкого Лукиана с его лжепророком Александром и Зевсом – отвратителем несчастий. Будто кто-то как нарочно эту чушь ему подсовывал!

Но это еще ничего... А вот совсем худо стало, когда он случайно вышел на сайт рассказов о природе с красивыми фотографиями и прочитал статью, которая называлась «10 лучших отцов в мире животных». Оказывается, отец-пингвин сам высиживает птенца, пряча яйцо с ним под складкой брюха, гигантский водяной клоп носит яйца с будущими де-

теньшами на своей спине до тех пор, пока они не вылупятся, морские коньки и рыбы-лягушки чередуются со своими женами, оберегая икринки, страус-нанду сидит в гнезде аж шесть недель, пока его птенцы не появятся на свет... Но самыми заботливыми папашами оказались некоторые самцы некоторых лягушачьих видов. Они вынашивают головастиков во рту! И даже отказываются от пищи, пока молодежь не вырастет настолько, чтоб выживать в суровом окружающем мире!

Почему Саша не родился головастиком? Почему отец бросил его так рано? Ведь он еще не готов к тому, чтобы выживать в суровом окружающем мире!

К вечеру позвонила мама. Тем сдержанно-напряженным голосом, каким она в последнее время говорила с сыном, спросила, как дела. Саша буркнул: «Отлично!», с трудом сдерживаясь, чтобы не начать допрос с пристрастием: все же почему, по какой-то такой тайной причине ушел от них отец?! Мама, впрочем, словно чувствовала опасность и тараторила с непривычным оживлением, так что вклиниться в этот поток слов было невозможно. Бабушке гораздо лучше, но еще несколько дней придется здесь пробыть. Не забывает ли Саша есть? Осточертеет колбаса с яичницей, можно пойти в большой продуктовый магазин напротив парка Кулибина: там отличный отдел готовой еды. Прекрасные супы, блины с чем угодно, котлеты. Деньги еще остались? Ну вот и хорошо! Если закончатся, пусть зайдет к соседке, Ангелине Бог-

дановне, она Сашу профинансирует, с ней есть договоренность. Ну пока, мой хороший, целую, держись!

Когда мама положила трубку, Саша вздохнул почти с облегчением. Этот разговор ни о чем был невыносим.

Настал вечер, стемнело, но спать совершенно не хотелось. Ну еще бы, поднялся-то с постели в полдень! Может, прогуляться? Сходить в магазин и купить... не суп, конечно, но блинов с творогом, что ли. Сыр с яблоками и яичница уже и впрямь поперек горла стоят, а блины там очень даже ничего!

Саша надел кроссовки, однако что-то мешало выйти из квартиры. Стоило подойти к двери, как начинало сжиматься сердце, давил невесть откуда взявшийся страх... И при этом он совершенно не мог больше сидеть дома!

Близилась полночь, поздно вато гулять, но Саша ничего не в силах был поделать с этим нетерпением, которое вдруг овладело им и оказалось даже сильнее страха.

Ноги сами понесли его к парку Кулибина.

«Ладно, пройду через парк в этот несчастный магазин, про который мама говорила, он вроде бы круглосуточный», – подумал Саша, входя в освещенную аллею. Впрочем, она мгновенно погрузилась во мрак. И тотчас и в других аллеях начали один за другим гаснуть фонари, словно... словно кто-то невидимый выключал их волшебным делюминатором профессора Дамблдора.

«Кажется, что-то такое уже было, – подумал Саша, – было вчера... Но почему я почти ничего не помню?!»

Дорожки утонули во тьме. Похоже, во всем парке осталось только одно светлое пятно: то, в центре которого стоял Саша. Оно напоминало бледно-желтый лоскут, обметанный по краю черной ниткой.

Подошву правой ноги что-то обожгло, и Сашей вдруг овладела ужасная слабость. Он прилег на этот клочок света, распростерся на нем, а в следующее мгновение у него возникло странное ощущение, будто пятно-лоскут кто-то подхватывает с асфальта и несет, несет... над Сашей резко хлопнули крылья, внизу мелькали улицы, потом он почувствовал прикосновение чего-то холодного – ужасно, как бы загробно-холодного... почудилось, что лоскутом, на котором он распростерся, обтирают могильный памятник. Перед глазами мелькнул портрет молодого человека в лихо заломленном берете с кокардой, какие носят десантники, надпись «Веселов Николай Леонидович», даты рождения и смерти. Николай Веселов умер два года назад, прожив на свете всего двадцать лет. Потом опять ударил ветер, опять замелькал город внизу... кажется, проспект Гагарина, справа парк Швейцария, вот Мыза с развилкой трамвайных путей, потом поворот в глубь какого-то микрорайона, резкое снижение к открытой балконной двери... и порыв сквозняка вносит лоскут внутрь.

Саша не мог понять, то ли он летит вместе с лоскутом, то ли идет по светлому линолеуму, не касаясь, впрочем, его ногами, неспешно направляясь к дивану, на котором лежал

безмерно исхудалый парень с наголо обритой головой и глазами, так глубоко провалившимися в глазницы, что они казались двумя черными пятнами. Лицо его было искажено страданием.

– Кто это там? – встревоженно спросил парень, и провалы его глаз обратились к Саше. – Колян?! Ты?.. Не может быть... Но ведь ты же... я же сам твой гроб в Нижний привез из Дагестана, на твоих похоронах был...

Он задохнулся, схватился за горло и закашлялся.

– Ты остался таким же, каким был там, в горах, когда меня собой закрыл и мою пулю себе в сердце принял, – бормотал парень, комкая простыню на груди. – Ты меня тогда спас, Колян, а для чего? Лучше бы ты жив остался, а я бы погиб. Раз – и нет меня, и не будет меня заживо рак пожирать. Знаешь, сколько раз я тебя вспоминал, все думал: ну какой же смысл был в твоей смерти? Может быть, если бы ты выжил, ты жил бы счастливо, а я... а я мучился все эти два года. Знал бы ты, Колян, как я намучился! Вспоминаю вас всех, всех ребят из нашего взвода, кто в бою с той бандой полег, и каждому завидую: тебе, Вадьке Скобликову, Димке Кравченко, и старлею нашему завидую... А от меня, от Гошки Панова, которого вы Энерджайзером звали, остался живой труп. Ему давно в могилу пора, но никак он туда лечь не может.

Гошка Панов смотрел на Сашу, и в темных провалах его глаз что-то поблескивало.

«Это слезы, – понял Саша. – Он плачет! Как же он наму-

чился, бедняга...»

– Колян, – вдруг слабо улыбнулся Гошка Панов, – я понял! Ты пришел меня спасти, да? Как тогда, в Дагестане? Колян, спаси меня от этих мучений! Забери меня с собой! Ты меня заберешь – и я снова буду с вами! Со всеми нашими ребятами!

Голос его вдруг прервался, губы приоткрылись, рука, нервно комкавшая простыню, соскользнула с кровати и повисла.

Сашка смотрел, смотрел на него... И вдруг понял: Гошка Панов уже ничего не видит. Он умер!

Тотчас Саша ощутил, что ноги отрываются от земли, будто какая-то сила подхватывает его, выносит из комнаты, поднимается ввысь, стремительно летит, взрезая воздух крыльями, над городом, снижается над парком – и неожиданно бросает вниз!

...Саша открыл глаза и обнаружил, что лежит на дорожке в парке Кулибина.

Вскочил, огляделся.

Он шел за блинчиками с творогом. Это помнил, но только это. А потом? Что было потом?

Слабо соображая, поднялся, побрел домой. Ни в какой магазин больше не хотелось, о еде и думать было тошно: желудок к горлу подпирало, как будто укачало на какой-нибудь бешеной карусели.

Какая-то жуть клубилась в воспоминаниях, но стоило сосредоточиться, как острой болью простреливало виски. Наконец Саша доплелся до дома и сразу рухнул спать.

* * *

Утром все тело снова так ломило, будто его палками били, и голова ужасно болела.

До невозможности хотелось с кем-нибудь поговорить и рассказать про все эти непонятки. Но с кем?! Мама занята больной бабушкой, а отец...

Неизвестно, чем или кем занят отец, только не своим брошенным сыном.

Он и злился на отца, и скучал по нему до нелепых девчачьих слез. А еще сильнее злился на маму. Почему от нее ушел муж? Саше-то казалось, что она самая лучшая, но самых лучших мужья не бросают! Значит, она что-то делала не так...

А он сам, Сашка Денисов? Что он делал не так, если его бросил отец?! И кто мог подумать, что такое случится? Он думал, отец его любит! В марте, когда они на каникулах ездили на Крит и отправились на экскурсию на страшный остров Спиналонга, куда в прошлом веке отправляли прокаженных со всей Греции, отец держал Сашу за руку и от себя ни на шаг не отпускал. Особенно после того, как тот решил ползать по заброшенным каменным жилищам и чуть не сорвал-

ся с осыпавшейся лесенки. Саша ничуть не испугался – ведь там уже давным-давно не осталось ни следа бывших обитателей, ни самой проказы, и вообще, ее уже давно научились лечить, а остров пустой, туда только туристов на экскурсии возят, как в исторический музей. Он-то не испугался, а родители – ужас как. Особенно папа! Когда уже вернулись на корабль, он вдруг сказал: «Даже не знаю, как бы я пережил, если бы с моим ребенком что-нибудь случилось. У меня бы сердце разорвалось, наверное! Или с ума бы сошел...» Мама аж всплакнула тогда, а Саша ничего, он это воспринял как должное. Он, дурак, как должное воспринимал любовь отца... а выходит, что никакой любви и не было? Или она сдулась, эта любовь, как шарик? Лопнула, как мыльный пузырь?..

Желудок подвело от голода, но в холодильнике было пусто. Надо все же дойти до магазина.

Саша вышел на улицу. Через несколько минут он заметил, что не идет, как раньше ходил, быстро и легко, а бредет, будто бурлак в ляжке. Но бурлаки тащили против течения паровоз, а Саша везде тащит за собой свою тоску по отцу.

До чего же он устал от этой тоски! Чувствует себя словно отравленный горем. Нужно какое-то противоядие. Противопоставить горю можно только радость. Хочется чего-нибудь... такого! А какого именно?

Он растерянно оглядывался по сторонам, будто надеялся увидеть, как радость идет по улице и приветливо машет ему

рукой: привет, мол, Сашок, вот и я! Еще бы знать, как эта самая радость выглядит...

И вдруг на глаза попался рекламный щит с надписью «Найди друга!». На щите была нарисована симпатичная, но грустная собачья физиономия. Это была реклама приюта для бездомных животных. И Саша внезапно понял, чего ему сейчас нужно, какой радости. Ему жизненно необходимо, чтобы его кто-нибудь любил, причем только его одного, все равно какого: троечника или отличника, грязнулю или аккуратиста, болтуна или молчуна – всякого! На такую любовь люди, наверное, неспособны, даже родители, которые вечно хотят сделать нас лучше, чем мы есть. На такую любовь способны только собаки! Вот сейчас Саша пойдет в этот приют: на рекламном щите указан адрес, Почаинский овраг – это совсем недалеко, туда можно и на маршрутке с площади Свободы доехать, и пешком добежать. Кстати, обратно точно пешком придется, потому что вряд ли пустят с собакой в маршрутку. Так, а интересно, в приюте дадут поводок? Ну, в крайнем случае можно взять пса на руки, чтобы не удрал, и принести домой, а потом уже заняться «снаряжением». Хотя нет, Саша ведь хочет большого пса, желательно лабрадора или ретривера. Голден ретривера! О такой романтической и очаровательной собаке с золотистой шерстью они иногда мечтали с отцом, но мама не верила, что Саша сможет гулять с собакой утром и вечером – с его-то желанием подольше поспать! Она не хотела лишних хлопот с уборкой, то да се...

«Ну ничего! Придется маме смириться! – мстительно подумал Саша. – Сама виновата – оставила меня одного, забросила, можно сказать, отец вообще предал, а вот пес меня никогда не забросит и не предаст! Потому что я проявлю к нему милосердие! Я стану его спасителем! И он будет мне благодарен! Конечно, голден ретривера я в приюте вряд ли найду – ну а вдруг? Всякое бывает!»

Он размышлял, а ноги сами несли его через парк Кулибина, а значит, мимо ТЮЗа... Да ладно, чего ж теперь! Надо привыкать!

Саша свернул с асфальтированной дорожки и помчался по тропке, стараясь не смотреть на серое здание театра, как вдруг из кустов сбоку донесся треск, визг – и на тропу прямо перед Сашей буквально вывалился какой-то черный грязный комок.

Саша чуть не упал и даже машинально занес ногу, чтобы отшвырнуть от себя это невесть что, как вдруг комок развернулся, приподнялся – и Саша увидел, что это пес.

Зрелище он собой представлял самое жалкое. Тощий, облезлый, с обрывком веревки и кровавыми следами на шее, с куцым отростком вместо хвоста, с перебитой передней лапой, которую поджимал, еле держась на остальных трех, – так они дрожали. К тому же морда у него была какая-то перекошенная: один глаз заплыл кровью, другой нелепо косил... В общем, урод уродом, и если можно было найти пса, менее напоминающего романтического и очаровательного голден ре-

тривера, то он стоял перед Сашей. Но если можно было найти пса, который смотрел бы на человека с огромной мольбой, то он тоже стоял перед Сашей!

В кустах, из которых он вывалился, клубилась какая-то странная темнота, и оттуда доносилось не то глухое рычание, не то угрожающее ворчанье.

Что, еще одна собака? Нет... Что-то пугающее, что-то страшное!

Саша попятился было, но чуть не наступил на трехногого пса. Тот жалобно взвизгнул, и Саше стало стыдно.

– Эй! – крикнул он, вглядываясь в куст. – А ну пошел вон!

Он не знал, к кому обращается, но рычание на миг прекратилось, словно это неизвестное страшилище онемело от изумления. Однако тотчас оно взревело так, что Саша отшатнулся, поскользнулся и плюхнулся на траву. Схватил попавшийся под руку сук и швырнул в куст, однако рычание не утихало и сгусток тьмы словно бы подался вперед. Вот-вот выскочит из куста! Не оборачиваясь, боясь оторвать взгляд от этой надвигающейся тьмы, Саша пошарил сзади, надеясь, что попадется еще один сук, но только попусту хватался за траву.

И вдруг что-то подсунулось под руку. Саша покосился и увидел, что пес, который и так еле держался на трех лапах, решил помочь и подтащил к нему земляной ком, из которого торчит длинный стебель какого-то растения.

Это было смешно и глупо, но больше все равно оборо-

няться было нечем. Саша неловко размахнулся, швырнул ком, с которого посыпались земля и какие-то крошечные синие цветочки, – и попал точно в середину куста! Раздался истерический писк, пошумела листва – и все стихло. Однако у Саши не исчезало ощущение, будто за ним наблюдают чьи-то недобрые глаза.

Захотелось как можно скорее обратиться отсюда.

Он вскочил, бросился было бежать, но сзади раздался тихий визг, вернее стон, и Саша оглянулся.

Ах да, пес...

Тот, похоже, совсем обессилел: уже не скакал на трех лапах, а лежал на траве, часто, запаленно дыша.

Саша остановился.

Пес чуть повернул голову, и его единственный глаз уставился на Сашу.

Была в этом взгляде смертельная, безнадежная усталость. Даже мольбы в нем теперь не было – только усталость... «Я знаю, что я урод, – словно бы говорил пес. – Такой грязный, жалкий, что тебе противно даже подойти ко мне, не то что помочь. Я все это знаю... Просто умирать неохота, понимаешь?»

– Ох, – тихо сказал Саша, проглотив комок, вдруг вставший поперек горла, а потом вернулся, наклонился и взял пса на руки.

Тот был настолько истощен, что словно бы ничего не весил. Видимо, был уже на самом-самом пороге смерти. И это

полумертвое существо только что помогло Саше спугнуть что-то ужасное, затаившееся в кустах! Не бросилось спасаться само, а из последних сил помогло!

Сухой, покрытый белым налетом язык вываливался из пасти. Пес был еще и обезвожен до последней степени.

Надо его напоить. Первым делом – напоить!

Саша вспомнил, что под лестницей, которая вела на внешнюю галерею ТЮЗа, есть водопроводный кран. К нему прикручивали шланг, когда поливали клумбы, окружавшие здание театра. Саша и сам сколько раз их поливал, а потом приходил в мастерскую к отцу – мокрый и чумазый с головы до ног. В таком виде, конечно, идти домой было невозможно, поэтому приходилось сушить рубашку и шорты на огромном ветродуе, которым отец обычно подсушивал краску и клей на декорациях...

Воспоминание мелькнуло и исчезло, не причинив обычной боли.

Сейчас было не до своих страданий! Сейчас надо спасти умирающего пса!

Саша кинулся к ТЮЗу прямо по газону, по еле заметной тропке. Забежав под лестницу, осторожно положил беднягу на траву и принялся откручивать вентиль крана. Кто-то закрыл его на совесть: Саша руки сбил в кровь, прежде чем вода наконец полилась. Рядом, конечно, не нашлось ни миски, ни банки, но Саша набрал воды в сложенные ковшиком ладони и подсунул к морде пса.

Тот мигом вылакал все, облизал Сашины руки – а потом пополз к крану, лег под струю воды и принялся поворачиваться с боку на бок, словно впитывая влагу всем своим иссохшим телом.

Ох, сколько грязи с него натекло!.. Веревку с шеи тоже сбило сильной струей, и кровь с морды смыло. Пес возился, то начиная вылизываться, то снова блаженно замирая под потоком воды, а Саша смотрел на него, ну вот натурально остолбенев от изумления.

Оказалось, что пес вовсе не черный, а светло-коричневый. И морда у него совершенно не уродливая, а очень даже симпатичная: широколобая, с темными, отливающими синевой глазами (да-да, второй глаз тоже открылся!), с висячими ушами. Поджатая и, казалось, перебитая лапа разогнулась, пес наступил на нее – сначала осторожно, а потом смелей, – повернулся к Саше и громко, радостно залаял, словно приглашая порадоваться вместе с ним. А потом, сильно отряхнувшись, одним прыжком оказался рядом с Сашей и прижался головой к его коленям.

«Что происходит? – изумился Саша. – Только что была какая-то жалкая страхолюдная шавка, а теперь... Конечно, это не голден ретривер, но все равно красавец. Как это могло произойти?!»

Пес поднял голову и посмотрел ему в глаза. «Да ничего особенно не произошло, – словно бы говорил его взгляд. – Я был страшно грязен и измучен, вот тебе и показалось, что я

урод. А теперь со мной почти все в порядке. Только поесть бы не мешало!»

– Конечно, – кивнул Саша, соглашаясь и с тем, что ничего необычного на его глазах не приключилось, и с тем, что поесть бы не мешало. – Пошли, вон там, неподалеку, зоомагазин, купим тебе какой-нибудь сухой корм.

Пес взглянул на него с откровенным отвращением, и Саше почудилось, что тот говорит: «Знал бы ты, из чего делают эту гадость!»

– Нет, ну извини, ну не блины же с мясом тебе покупать, – растерянно пробормотал Саша.

Пес облизнулся.

Саша безнадежно пошарил в карманах. А деньги-то у него уже почти ку-ку...

– Собаку завел? – раздался рядом веселый молодой женский голос. – И правильно. Давно пора!

Саша обернулся.

Рядом стояла их соседка Ангелина Богдановна. Она была уже довольно-таки древней бабушкой с седыми пушистыми кудряшками и морщинистым личиком, однако ее синие глаза и голос были словно у какой-нибудь старшеклассницы. Если судить по этим глазам и по этому голосу, Ангелина Богдановна была в молодости удивительной красавицей.

У Саши тоже были синие глаза, но до синевы, которой светился взгляд Ангелины Богдановны, им было далеко!

– Здравсте! – радостно воскликнул он. – Ангелина Богда-

новна, мама сказала, что у вас для меня...

– Да-да, – кивнула соседка. – Понимаю, деньги тебе нужны, чтобы Савватистиса твоего накормить.

– Кого? – переспросил Саша.

– Ну пса твоего как зовут-то? Савватистис! – усмехнулась Ангелина Богдановна. – Как же еще?

Саша пожал плечами:

– Пока никак. Я его только что нашел и пока еще не придумал кличку. Но он никакой не этот... как его Сав... тис...

– Тогда как же его зовут, если не Савватистис? – удивилась соседка.

Саша развел руками:

– Ну, я не знаю... Рекс... Пират... Кинг... Мухтар, в конце концов!

– А давай попробуем разные клички называть, – предложила Ангелина Богдановна. – На какую он отзовется, та, значит, и его.

Саша смотрел на нее, растерянно хлопая глазами. Почему-то он не мог вспомнить ничего, кроме Рекса, Пирата, Кинга и Мухтара, но ни на одну из этих кличек пес и ухом не повел.

– Давай я попробую! – азартно воскликнула Ангелина Богдановна. И зачастила: – Арес! Атлант! Ахилл! Борей! Гектор! Геракл! Гелиос! Гермес! Дионис! Зевс! Зефир!

– Зевс! – фыркнул Саша, снова вспомнив про «Зевса – отвратителя несчастий». – Зефир! Ванильный или со вкусом

вареной сгущенки? Скажите еще Пастила!

– Сам ты пастила со вкусом вареной сгущенки! – как-то очень по-девчачьи обиделась Ангелина Богдановна. – Зефир – это бог западного ветра в античной мифологии. – И снова затараторила: – Кронос, Нот, Одиссей, Посейдон, Силен, Тезей, Фосфор...

Пес стоял, равнодушно глядя куда-то в сторону.

– Не нравится ему греческая мифология, – ехидно вклинился Саша, когда Ангелина Богдановна остановилась, чтобы перевести дух. – Не отзывается!

– Нравится! – строптиво возразила соседка. – Просто он ждет, когда я назову его имя. И тогда он сразу отзовется. Вот! Савватистис!

Пес радостно гавкнул и повернулся к Ангелине Богдановне.

– Видал? – гордо спросила она, и голос у нее сейчас был как у самой довольной в мире старшеклассницы. Она даже в ладоши захлопала, и на запястье, под длинным рукавом платья, зазвенели браслеты. – Я точно тебе говорю, его зовут именно Савватистис – и никак иначе!

Саша посмотрел на пса, а пес – на него.

«Интересно, чем тебе это имя не нравится?» – словно бы спросили темные, отливающие синевой глаза.

Саша пожал плечами.

В самом деле, имя как имя... Правда, немного странное и слишком длинное, но недавно на каком-то сайте Саша про-

читал, что сейчас в моде сложные собачьи клички и одного пса вообще называли Мэд Дог Алеша Попович. Уморушка! Конечно, хозяйева в обиходе называют его как-нибудь попроще – например, Лехой. Ну и ладно, Саша вполне может называть своего Сав... тисти... ну, в общем, своего пса Саша может называть просто Саввой.

Пес солидно гавкнул, словно одобрил кличку.

– Хорошо, – кивнула Ангелина Богдановна. – Пусть будет Савва.

Странно! Вроде бы Саша вслух ничего не говорил...

– Сейчас самое главное – накормить Савву, – настойчиво сказала Ангелина Богдановна. – Держи деньги, тут пятьсот рублей, иди в ближайший мясной магазин – вон он, на углу Ошарской, где раньше сберкасса была. Купи ребер говяжьих, да побольше, чтобы и самому поесть хватило. Сырьем Савву не корми: сначала свари ребра в большой кастрюле. У вас дома есть голубая кастрюлища, она задвинута на нижнюю полку буфета.

Саша смотрел на нее, слабо моргая, еле осваиваясь с этим потоком бытовой и совершенно непривычной информации.

Интересно бы знать, откуда соседке известно, где именно стоит в их буфете эта кастрюля?!

– Не забывай пену снимать, когда бульон закипит, – продолжала Ангелина Богдановна. – Савве в миску пригоршню «Геркулеса» добавь, чтобы сытнее было. Дай немного остыть, а потом корми. А теперь до свиданья, мне пора.

– До свиданья... – начал было Саша, но Ангелина Богдановна вдруг остановила его резким движением руки:

– Погоди, что это у тебя в волосах?

Она легонько коснулась Сашиной головы, и на ладони у нее оказался крошечный синий цветочек, слабо пахнущий ванилью.

– А, гелиотроп... – протянула Ангелина Богдановна. – Прекрасное растение! И очень полезное. Между прочим, входит в состав летательной мази.

Саша вытаращил глаза. Летательная мазь?! Что такое говорит соседка?! Фантастики начиталась, что ли?

А Ангелина Богдановна продолжала трещать:

– Правда, некоторые виды гелиотропа – например, *Heliotropium euroaeum* или *Heliotropium lasiocarpum*, содержат в стеблях и листьях ядовитый алкалоид циноглоссин, вызывающий у животных поражение нервной системы. Имейте в виду! Но это, как я вижу, *Heliotropium peruvianum*, его вполне можно использовать. А теперь бегите, ребята, да поскорей!

Ангелина Богдановна хлопнула в ладоши, словно давая сигнал, и «ребята» побежали: Савва впереди, весело вертя головой и изредка подпрыгивая от радости жизни, а Саша за ним, озадаченно вертя головой и изредка спотыкаясь – от полной невозможности хоть что-то понять в происходящем!

Почему-то раньше Саша был уверен, что сварить мясо – это совершенно нечего делать. Положил в кастрюлю, залил водой, поставил на плиту – и все дела. Ну, еще посолить. Но оказалось, что это ужасно сложно!

Во-первых, сначала он забыл мясо помыть (ребер в магазине не оказалось, пообещали, что завтра привезут, пришлось купить кусок чистой говядины), и, когда вода закипела, кастрюля наполнилась серой грязной накипью, которая норовила вылезти (и даже вылезла!) на плиту. Пришлось надолго зависнуть над кастрюлей с ложкой и непрерывно серую пену убирать. Наконец от пены удалось избавиться. Но стоило накрыть кастрюлю крышкой, как бульон начал выливаться. Не скоро Саша нашел баланс между прикрученностью горелки и закрытостью кастрюли! Совершенно непонятно, как мама легко и просто со всем этим ужасом справлялась: во всяком случае, когда она готовила, по квартире противным духом варева не несло!

Савва сначала сочувственно наблюдал за Сашинной пляской у газовой плиты, но скоро ему это надоело, да и постоянное шипение убегающего бульона, наверное, нервировало (а Сашу, можно подумать, не нервировало!), поэтому пес ушел в коридор, улегся около полки с обувью и прикрыл глаза.

– Ну ладно, ты спи, я тебя потом позову, – сказал Саша

и вернулся на кухню. Там он некоторое время экспериментировал с солью. Потом чистил лук, обливаясь слезами. Потом спохватился, что вряд ли вкус лука понравится Савве, и отлил себе бульона в отдельную маленькую кастрюльку, куда и отправил луковицу. Потом долго тыкал вилкой в мясо, проверяя, сварилось оно или нет. Наконец разложил порции: себе в тарелку, Савве в миску, сыпанул туда еще овсяных хлопьев «Геркулес», как советовала Ангелина Богдановна, и крикнул:

– Савва! За стол! То есть это... под стол! Обедать пора!

Савва не появился, однако из коридора доносились какие-то странные звуки.

Саша снял фартук (ну да, в конце концов он дошел даже до этого!), выглянул в прихожую – и заорал возмущенно:

– Что ж ты делаешь?!

Было отчего заорать! Савва по-прежнему лежал около полки для обуви, но и не думал спать, а наоборот, вел бурную деятельность: то грыз, то усердно царапал одну из Сашиных кроссовок.

Услышав гневный окрик, он мигом разжал пасть и даже лапой отпихнул от себя кроссовку: мол, я просто так лежу, никого не трогаю...

– Сдурел?! – сердито спросил Саша.

Савва уткнул нос в лапы с видом глубочайшего раскаяния.

Саше стало его жаль.

– Ладно, пошли! – буркнул он, ставя кроссовки на самый верх полки. – Для кого я варил, в конце концов?

Савва бочком, с виноватым видом, проскользнул в кухню и устался на миску с едой. Теперь на его морде было написано почти человеческое недоумение. Впрочем, через несколько секунд он принялся и начал быстро есть.

«Я сам виноват, – вздохнул Саша. – Слишком долго возился. Савва так проголодался, что готов был даже кроссовку грызть!»

Он тоже проголодался. Ведь вчера и позавчера толком не ел. В результате до того налопался, что его даже в сон повело.

Савва вылизал свою миску до блеска, широко, с подвыванием, зевнул и побрел в прихожую.

Саша кое-как вымыл посуду и решил на пяток минут прикорнуть. Савва уже дремал на коврике под дверью. В опасной близости от кроссовок...

«Собаки вообще любят что-нибудь грызть, – подумал Саша. – Жаль, что не было ребрышек! Ничего, куплю их завтра, а кроссовки уберу. От греха подальше!»

Он подумал-подумал, а потом решил спрятать их в платяной шкаф, который стоял в комнате родителей. Раньше там было тесно-претесно, а теперь стало куда просторней: отец свои вещи забрал! Однако смотреть на эту пустоту Саше не хотелось, поэтому он подставил к шкафу стул, залез на него и взгромоздил кроссовки на самый верх. Там вроде бы что-то уже лежало, вернее стояло: коробка какая-то, навер-

ное, с мамиными новыми, еще ни разу не надеванными туфлями.

Потом Саша вернулся к себе, плюхнулся на диван – и мигом поплыл, поплыл в сон про прекрасное синее море, окружившее скалистый остров, на котором виднелись маленькие каменные домишки. Безлюден остров, и что-то пугающее чудится в этом безлюдье. Это Спиналонга, вспоминает Саша, остров прокаженных, куда они ездили на экскурсию все вместе: он, мама и папа. Как странно, что среди такой красоты властвовала смерть...

– Почему именно этот остров выбрали для прокаженных? – спросил тогда Саша у гида.

Критянин, отлично говоривший по-русски, пожал плечами:

– Точно не знаю, но, говорят, у него издавна была дурная репутация.

– Какая? – не отставал Саша.

Гид отвел глаза и предложил продолжить экскурсию.

Воспользовавшись тем, что родители отвернулись, Саша решил заглянуть в одну из опустевших хижин. Начал подниматься по неровным каменным ступенькам – и кроссовки скользнули, он поехал-поехал, скрипя гравием, но чудом удержался на самом краю крутой лестнички – только один камень с грохотом свалился вниз из-под его ног. Родители это заметили, ужасно его ругали, а потом отец сказал, что, наверное, умер бы или с ума сошел, если бы с его ребенком

что-нибудь случилось...

Вдруг раздался какой-то грохот. Саша вскинулся, ужасно жалея, что сон прервался и он не успел снова услышать эти слова.

Выскочил в прихожую.

Стоп, а Савва где?

Саша заглянул в комнату родителей да так и ахнул: у входа валялась раскрытая обувная коробка, все вокруг было покрыто беспорядочно разлетевшимися фотографиями (значит, там хранились фотографии, а не мамины туфли!), а посреди этого разора возлежал Савва, сосредоточенно грызя... легко догадаться что! Сашину кроссовку!

– Ах ты приبلуда несчастный! – воскликнул Саша. – Как же ты на шкаф залез?! Это мои самые любимые кроссы! Фу! Фу, тебе говорят! Отдай немедленно!

Однако Савва и не собирался слушаться. Он покосился на Сашу с самым что ни на есть зверским, даже свирепым выражением морды и продолжал терзать кроссовку.

– Да ты озверел, что ли?! – завопил Саша, замахнувшись, но пес так рыкнул в ответ, что Саша счел за благо отскочить.

– Да ты... да ты... бессовестная скотина! – простонал он потрясенно.

Похоже, Савве стало стыдно. Он выпустил кроссовку, побрел в коридор, и слышно было, как он шумно плюхнулся у входа. А Саша подобрал свою злосчастную обувку и внимательно осмотрел ее.

Очень странно! Никакого урона кроссовке причинено не было. Вот эта трещинка на подошве – она появилась еще в Греции. Наверное, Саша ее заполучил, лазая по критским скалам. Или там, на Спиналонге, когда чуть не свалился с каменных ступенек. Однако эта трещинка никак не мешала ходить, и даже в дождь вода в нее не проникала. Но сейчас трещинка несколько расширилась. Наверное, сюда и запустил зубы Савва. Но это ерунда, он ничего не успел повредить.

Теперь стало стыдно Саше. Погорячился, конечно, когда накинулся на пса! Еще хорошо, что сдержался и не стукнул его.

Выглянул в коридор. Савва лежал с закрытыми глазами, но явно не спал. Морда у него была сердито-обиженная. Такое выражение морды, в смысле лица, могло быть у человека, если бы его в чем-то несправедливо обвинили. Ну что ж, так и было!

– Ну ты и артист! – невольно усмехнулся Саша. – Ладно, извини. Я со сна не разобрался. С кем не бывает!

Савва фыркнул. Саше почудилось, будто пес хотел сказать, что с ним-то ничего такого точно не бывает, без разницы, со сна или нет! И вид у него по-прежнему был обиженный.

– Ишь какой! – буркнул Саша. – Кроссовки ты, конечно, не испортил, но фотографии расшвырял. Теперь кто их собирать будет, Пушкин, что ли, Александр Сергеевич? Нет, Денисов Александр Васильевич! А Савва будет лежать наду-

тый!

Он сердито вернулся в комнату, начал ползать на коленях и складывать снимки обратно в коробку. Впрочем, вскоре Савва сменил гнев на милость и тоже притащился в комнату.

Помогать.

Помощь выражалась в том, что он весело возился на полу, подсовывая Саше лапой то один, то другой снимок.

Все-таки удивительно умный пес оказался, а что кроссовку грыз, так ведь такова его собачья природа!

Фотографий было много. Отец не любил смотреть снимки в мобильнике или в компьютере: всегда отдавал их распечатывать в ателье. А вот Саше разглядывать фотографии было скучно – не считая снимков спектаклей, которые оформлял отец. Они хранились в особых альбомах, которые отец забрал с собой, когда уходил. А раньше Саша их часто смотрел, втайне мечтая тоже стать художником-оформителем, но прекрасно понимая, что этого никогда не произойдет: способностей к рисованию у него не имелось ни малейших! Ну и ладно. Он и артистом не прочь был бы стать. Недаром ему так нравится историческая реконструкция, где в каждой игре чувствуешь себя воином из другого времени, живешь его жизнью...

Фотографии, сделанные во время этих игр-сражений, лежали в отдельном альбоме в Сашкиной комнате, а эти, старые... он даже не знал, что они хранятся в коробке из-под обуви на шкафу. И сейчас рассматривал их с любопыт-

ством. Среди новых, цветных, мелькали и старые черно-белые снимки. Вот баба Люба – та, которая в Арзамасе болеет. Здесь она еще совсем даже не больная, и дед Сережа, мамин отец, еще жив. Дед умер, когда Саше было четыре года. Вот они втроем: дед, бабушка и мама. А вот родители отца: они тоже давно умерли, их сын тогда еще в институте учился и был даже не женат.

Фотографии взрослых и детей мелькали перед Сашей... кого-то он знал, кого-то видел впервые. Наверное, знакомые родителей.

Савва расшалился, возил лапами туда-сюда, и к Саше подлетела фотография девчонки в зеленом сарафанчике и с эскимо в руке. Кто такая? Чья-то дочка, каких-нибудь знакомых? Снимок сделан в Нижнем, на фоне Волги и Борского моста.

Хорошенькая какая девчонка. Русая коса, а глазищи!.. Интересно, они только на фотографии получились нежно-зелеными, как молодые березовые листочки, или и в самом деле такие? Почему ни одной похожей девчонки нет в Сашинем классе?! И в параллельных нет. Если бы такая появилась в школе, за ней бы все мальчишки бегали!

А может, и хорошо, что она в другой школе учится. Рядом с признанными школьными красавчиками Валеркой Черкизовым или Серегой Сапожниковым, даже рядом с Витьком или Егором, у Сашки Денисова не было бы ни единого шанса!

Он не стал убирать эту фотографию в коробку – отложил на стол. Потом еще полюбуется этой девчонкой.

Интересно, как ее зовут? Ира? Оля? Нет, наверное, как-то особенно... Камилла, например!

«Буду звать ее Камиллой, – решил Саша. – Все равно не узнать, какое у нее на самом деле имя!»

Он продолжал рассматривать снимки. Хихикнул, увидев себя: малявка в ползунках на руках у мамы. А это папа – молодой, очень веселый, держит на руках запеленатого младенца. Радует, что у него сын родился. Хотя нет, вроде бы он не Сашку держит. Этот младенец завернут в розовое одеяльце, а так заворачивают только девчонок. У бабы Любы до сих пор хранится Сашкин первый конверт, в котором его из роддома забирали. Он голубой, как и положено мальчишечьему конверту. Папе, наверное, просто дали подержать дочку какого-нибудь знакомого.

Саша смотрел, смотрел на снимки... Среди них вроде бы чего-то не хватало, но он не мог понять чего.

Наконец разглядывать фотографии надоело. Саша сунул их в коробку, все одной кучей, и только сейчас заметил, что Савва пытается выцарапать что-то из-под дивана. Наверное, туда еще какие-то снимки залетели.

Ну, их только шваброй можно будет достать.

Только собирался пойти за ней, как зазвонил мобильник. Мама!

– Саш, ну ты там как, не голодаешь? – спросила она пер-

вым делом.

– Нет, я сегодня суп сварил. Взял деньги у Ангелины Богдановны и сварил, – сообщил он, размышляя, брякнуть маме про Савву прямо сейчас или подождать ее возвращения.

Нет, лучше ее сначала морально подготовить, а то слишком много потрясений: отец ушел, бабушка болеет, теперь вот животина в доме появилась!

– Мам, может, мы теперь заведем собаку? – спросил Саша вкрадчиво и сморщился – до того глупо и грустно прозвучало это «теперь».

Мама только вздохнула:

– Посмотрим. Главное, чтобы ты не забывал с ней гулять утром и вечером. – И тут же простилась, потому что бабушке пора было делать укол.

Гулять! Сашка начисто забыл, что с Саввой нужно гулять! Хорошо, что мама напомнила. Кстати, придется купить ошейник и поводок для прогулок. Деньги еще остались.

– Пройдемся? – предложил Саша, погладив пса, который по-прежнему лежал на полу и шарил лапой под диваном. – Да брось ты! Потом достанем. Пошли гулять! Хочешь?

Савва несколько секунд еще полежал, как бы размышляя, хочет он или нет, потом понял: хочет! – и, задрвав хвост, понесся в прихожую. Саша, на ходу напяливая кроссовки, поспешил за ним.

Зоомагазин, где продавались всякие собачьи прибабасы, находился недалеко. Саша направился к нему, не сомнева-

ьясь, что Савва послушно последует за ним. Но не тут-то было! Савва вдруг рванул через дорогу, не обращая ни малейшего внимания на светофоры, и ринулся куда-то в сторону площади Свободы. Саша, который на красный свет бежать не решился, отстал, причем порядочно, и, когда оказался на площади Свободы, успел заметить только лохматый коричневый хвост, мелькнувший у поворота на Варварку.

– Савва! – заорал Саша, но без толку.

Пришлось наддать. Вылетел на Варварку – коричневое пятно маячило чуть ли не на Ошарской. Добежал до Ошары – Савва уже на площади Минина. К счастью, Саша успел увидеть, как пес влетел под арку Дмитриевской башни кремля.

Ну, если Савва помчится вниз по склону, на набережную, собаки у Саши, считай, больше нет. Может быть, Савва раньше жил где-то неподалеку, вот и рвется теперь домой? Уж не там ли его довели до того жалкого состояния, в котором он попал в парк Кулибина? Ну и неблагодарным же он оказался! Бросил того, кто его спас, накормил, напоил, чью кроссовку он грыз...

Саша замер как вкопанный. За этими мыслями он и не заметил, как вбежал в кремль, миновал выставку военной техники и выскочил на просторную площадку над самым обрывом. Там стояли лавочки, на них сидели люди, глядевшие на Стрелку³, над которой алое закатное солнце медленно опуска-

---

³ Место слияния Оки и Волги напротив Нижнего Новгорода.

калось в золотые облака. Отражаясь в реке, неистовые золотые и алые краски заката приобретали более спокойный серебристый оттенок.

Красота, конечно, неопиcуемая, но Саше было не до заката, потому что, как выяснилось, он чуть не наступил на... Савву, который смиpно лежал посреди тротуара, уместив голову на лапы.

– Ну ты и собака! – запаленно выдохнул Саша, однако Савва даже не шевельнулся, продолжая пристально глядеть вперед.

Впрочем, отнюдь не волшебная красота заката привлекала его! Вообще где вы видели собаку, которая любовалась бы красотами природы? Вот и Савва был не из таких. Он не сводил глаз с девочки, сидевшей на садовой скамейке вполоборота к Саше и глядевшей на Волгу. У девочки была русая коса, которая ему что-то напомнила...

Рядом сидела женщина, видимо, ее мать, заботливо придерживавшая кофту на худеньких плечах девочки. Та нетерпеливо дернулась, но женщина ласково сказала:

– Тебя продует, Асенька. Совершенно ни к чему, чтобы ты еще и простудилась! О, смотри, папа идет. Мороженое тебе купил.

«Если родители не хотят, чтобы их дочка простыла, зачем же покупают ей мороженое?» – насмешливо подумал Саша, но тут девочка резко повернулась, он увидел ее лицо – да так и ахнул.

Это была та самая девчонка с фотографии! И глазищи у нее на самом деле оказались зеленые, как молодые березовые листочки! Только на фотографии она была загорелая, а сейчас ужасно бледная, но все равно хорошенькая просто до одури.

«Ася? – удивился Саша. – Значит, она не Камилла, а Ася? Нет, Камилла гораздо лучше!»

В эту минуту к девчонке подошел высокий мужчина. Он был одет в джинсы и серую футболку с надписью «Я ♥ ТЮЗ-НН!»

«Что такое? – возмутился Саша. – Откуда у этого дядьки папина майка?!»

И тут же он понял, что это никакой не дядька, а его, Сашин, отец! В своей собственной майке...

Сашин отец подал девчонке по имени Ася эскимо и ласково ей улыбнулся.

– Спасибо, папа, – сказала она *Сашину отцу*, улыбаясь в ответ.

А отец даже не заметил своего сына...

Подойти? Или крикнуть отсюда «Привет, папа!»? Они сразу перестанут улыбаться!

Саша попятился на газон, проломился через кусты и бросился бежать из кремля, тупо удивляясь, почему все вокруг кажется каким-то размытым.

– Плачу я, что ли, как дурак? – пробормотал Саша, яростно, до боли проведя ладонью по глазам.

Да, ладонь оказалась мокрой.

И он побежал дальше, то и дело вытирая глаза и изо всех сил стараясь не думать о том, что видел в кремле, вообще ни о чем не думать. Он так старался, что, лишь придя домой, сообразил: Саввы рядом нет. Он не вернулся.

Вот так... И этот предал!

* * *

До позднего вечера Саша сидел на полу и снова и снова перебирал старые фотографии. Те, которые залетели под диван, он тоже вытащил. Они лежали в отдельном конвертике. На них он увидел ту самую девчонку. Асю! Ее было очень легко узнать по глазам. Вот Ася стоит под елкой в костюме Снегурочки – ей тут года три, наверное. А вот сидит на коленях у отца. У Сашиного отца! Она еще совершенная малышка – не в пеленках, но в ползунках, на шее повязан слюнявчик, и отец кормит ее с ложечки.

Саша добавил к этим снимкам ту фотографию Аси, которую видел раньше, а потом снова перерыл содержимое коробки и выискал фото отца с младенцем в розовом одеяльце. Сто пудов, что в него была завернута Ася! И отец такой счастливый...

Теперь все стало ясно. На вид эта девчонка Сашина ровесница. Она совершенно не похожа на Сашу, но это, конечно, его сестра! У них один отец. Получается, у него было две

семьи. Он был... как это называется... двоеженец! Одна жена – Сашина мама, вторая – конечно, та женщина, которая сидела рядом с Асей над Волгой. И дети у них родились одновременно. Наверное, отец сначала больше любил Сашину маму, поэтому жил с ней и с сыном. Потом Саша и его мама отцу надоели, и он вернулся в ту, другую семью, которая обитает в микрорайоне Мещерское озеро, где-то неподалеку от Борского моста. На фоне этого моста сфотографирована Ася, там же Сашиного отца видел Макс. Отец вернулся в ту семью, потому что решил: мать Аси лучше, чем мать Саши. А дочка лучше, чем сын.

Чем лучше?

Наверное, отец знает чем. У взрослых своя, взрослая логика, которая помогает им находить ответы на вопросы, для которых в принципе нет ответов, и оправдывать свои самые ужасные поступки. Такие, например, как бросить одну семью и уйти в другую.

Интересно, знает мама про эту другую семью? Про девочку Асю? Наверное, знает. Потому и плакала по ночам. Но все же ни к чему, чтобы она наткнулась на эти снимки. Опять будет плакать.

Странно, что отец их оставил. Забыл, наверное? Так спешил к другой семье, что даже фотографии забыл? А впрочем, у него теперь есть настоящая Ася, зачем фотографии?

Ему незачем, но и здесь этим снимкам делать нечего! Надо их выбросить. В помойку!

Саша сначала хотел изорвать все Асины фотографии в клочки, но потом ему почему-то стало противно это делать. Просто сунул конверт в первую попавшуюся полиэтиленовую сумку, свернул – и выскочил из квартиры. Он вдруг страшно зашпешил и с трудом заставил себя запереть дверь. Хотелось избавиться от конверта как можно скорей!

Уже стемнело. Во дворе Саша подбежал к мусорному контейнеру и собрался было швырнуть конверт туда, но потом решил, что это слишком близко к дому. Вдруг сумка раскроется, снимки выпадут из конверта и их ветром разнесет по двору? Лучше поискать помойку подальше. Ага, вспомнил он, в парке Кулибина есть большущий ящик, куда подметальщики собирают парковый мусор. Вот туда и надо бросить этот поганый конверт!

Уже стемнело, но при свете парковых фонарей Саша все же нашел ящик, швырнул туда сумку, с облегчением вытер руки о джинсы, повернул было назад, понимая, что уже ночь на дворе и пора возвращаться домой... но вдруг споткнулся, ошеломленно оглядываясь.

В пустых аллеях один за другим гасли фонари, словно... словно кто-то невидимый выключал их волшебным делюминатором профессора Дамблдора.

Саше смутно вспомнилось: что-то подобное он уже видел! Дорожки утонули во тьме. Похоже, во всем парке осталось только одно светлое пятно: то, в центре которого стоял Саша. Пятно напоминало бледно-желтый лоскут, обметанный

по краю черной ниткой.

«И это я видел, – вспомнил он испуганно. – И это со мной уже было!»

Но больше ничего вспомнить не удавалось...

Подошву правой ноги что-то обожгло, и Сашей овладела ужасная слабость. Он прилег на клочок света, распростерся на нем, а в следующее мгновение у него возникло странное ощущение, будто пятно-лоскут кто-то подхватывает с асфальта и несет, несет... вместе с ним. Над Сашей резко хлопнули крылья, внизу мелькали улицы, потом он почувствовал прикосновение чего-то холодного – ужасно, просто загробно-холодного... почудилось, что лоскут, на котором он распростерся, скомкали и обтирают им могильный памятник. Перед глазами мелькнул портрет красивой большеглазой женщины, надпись «Федорова Екатерина Николаевна», даты рождения и смерти... Екатерина Николаевна умерла три года назад, и было ей около тридцати пяти. Потом опять замелькал город внизу: Стрелка, здание Нижегородской ярмарки, дома, улицы, высокий мост через Волгу – Борский мост – появился впереди... потом последовало резкое снижение к приоткрытой балконной двери, и порыв сквозняка внес лоскут в какую-то незнакомую комнату.

Саша не мог понять, то ли он летит вместе с лоскутом, то ли сам идет по чуть поскрипывающему полу, не касаясь его ногами, неспешно направляясь к кровати, на которой кто-то лежал.

Рядом на стуле сгорбился какой-то мужчина. Дремал сидя.

Вдруг что-то сердито-пресердито зафырчало рядом, и Саша увидел, как из-под дивана выкатился серый комок, весь покрытый иголками. Снова зафырчал, поднял острую мордочку, потом засеменял к Саше, стуча коготками по полу и топорща иголки.

Да ведь это еж! Симпатия какой, даром что сердитый!

– Ты что, Ахилка? – послышался с кровати шепот, и Саша невольно улыбнулся.

Ахилка! Так звали ежика в «Детстве Никиты» Алексея Толстого – в одной из самых любимых Сашиных книжек. Значит, тому, кто лежит на кровати, тоже нравилась эта замечательная книжка?

Ахилка, про которого там рассказывалось, тоже бегал, стуча по полу коготками, особенно ночами, выспавшись за день. А когда наступили холода, он натаскал тряпок и бумажек под буфет, чтобы завалиться спать на всю зиму. Интересно, этот ежик зимой тоже спит под каким-нибудь шкафом, в укромном уголке?

Саша обошел ежа – и замер, увидев лицо того человека, который лежал на кровати.

Это была Ася.

Ася! Та самая зеленоглазая девчонка с косой. Его сестра... сестра по отцу.

А мужчина, который задремал на стуле, – их отец!

Ася была бледная, ужасно бледная в этом лунном свете, ну прямо как неживая. И она испуганно смотрела на Сашу.

– Мамочка, – прошептала Ася. – Ты пришла! Ты за мной пришла, да? Ты беспокоилась, что я одна, что тетя Валя за мной плохо ухаживает? Нет, она очень хорошая! Правда, она тебя не послушалась. Она нашла моего папу и рассказала, что ты умерла, а я очень сильно болею, так, что меня никак не могут вылечить. И папа теперь живет у нас! Ты понимаешь? Он теперь со мной! И я знаю, что он меня ужасно любит! Ты зря говорила, что он меня не любит: я знаю, что я ему нужна, очень нужна, и ему будет очень грустно, когда ты меня забереешь. Мне его очень жалко, но я так устала болеть... Помоги мне!

– Ася! – раздался сдавленный голос. – Что ты говоришь? С кем ты разговариваешь?

Отец вскочил со стула и испуганно оглядывался.

Саша понял, что тот его не видит. А вот Ася видит – но не его, а почему-то свою маму.

Значит, Екатерина Николаевна Федорова, памятник которой недавно видел Саша, была матерью Аси. Екатерина Николаевна умерла. А теперь умирает Ася. Получается, отец бросил Сашу и его маму потому, что его дочка умирает. И, может быть, когда она умрет, он вернется?

Похоронит ее – и вернется!

Да, Ася сейчас умрет, Саша был в этом уверен. Умрет – так же как умерла женщина, за которой пришел ее покойный

муж, так же как умер парень, которому явился его убитый друг. Саша внезапно осознал то, чего не осознавал раньше: это не они являлись умирающим – это он принимал их образы! Как-то это было связано с тем, что он оказывался на кладбище и видел их могильные памятники. Прикасаясь к ним, он словно бы вбирал в себя образы покойников, принимал их облик – и приходил к умирающим, чтобы забрать остатки их жизней, чтобы увести душу из тела, измученного болезнями.

Значит, он совершал благое дело! Ведь та женщина говорила своему Пашеньке: «Я так измучилась от этих болей! Спаси меня от них! Забери меня с собой!» И Гошка Панов просил друга: «Колян, спаси меня от этих мучений! Забери меня с собой!» И Ася только что сказала: «Я так устала болеть...» И попросила: «Помоги мне!»

Ну что же, Саша поможет ей. Охотно поможет! Еще как охотно! Из-за нее они с мамой натерпелись столько горя! А теперь... теперь надо только смотреть ей в глаза. В эти зеленые глаза, похожие на листочки молодых берез.

Она такая красивая! И она его сестра...

И нет ничего странного, что им обоим нравится «Детство Никиты»!

«Ну и что? – словно бы прозвучал в его голове чей-то вкрадчивый шепот. – Что тебе до нее? Тебе надо просто смотреть и смотреть. Ты уничтожил ее фотографии, а теперь уничтожишь и ее. Тогда отец вернется! Смотри, смотри ей в

глаза, пока они не погаснут!»

– Ася! – вдруг раздался хриплый голос. – Асенька, не надо! Милая, подожди! Не умирай!

Это был голос отца, но Саша даже не сразу узнал его. Такого голоса он никогда не слышал. Как будто слова шли не из горла, а из разорванного сердца! И Саша вспомнил: «Даже не знаю, как бы я пережил, если бы с моим ребенком что-нибудь случилось. У меня бы сердце разорвалось, наверное! Или с ума бы сошел...»

– Ася! Не уходи! – прохрипел отец, и Саша вдруг совершенно ясно понял: отец тогда, на Спиалонге, на этом страшном острове, правду сказал. Он не сможет перенести смерть своего ребенка. Он с ума сойдет или умрет, когда умрет Ася!

А может быть, он это все-таки переживет? Погорюет – и вернется домой? Даже если дочь умрет, сын – это ведь тоже утешение, большое утешение!

Ася умрет! Вот сейчас. Эти зеленые глаза сейчас погаснут...

Нет!

Саша зажмурился, рванулся, ринулся куда-то... он сам не знал, куда бежит, что будет делать, – знал одно: смотреть, как гаснут Асины глаза, он не собирается! Не хочет!

Он бежал через комнаты, а сзади слышался мелкий дробный перестук. Саша оглянулся через плечо – это еж Ахилка семенил за ним! Иголки его воинственно топорщились.

Значит, Ахилка тоже его видел?

Его? Или умершую Екатерину Николаевну?..

Но сейчас было не до загадок и не до разгадок. Саша хотел одного – исчезнуть отсюда!

Смутно помнилось, что он попал в эту квартиру через балкон. Выскочил, перевалился через перила, даже не думая, с какого этажа сейчас упадет и, наверное, разобьется... Однако рядом резко захлопали крылья, мелькнула страшная рожа с гладкой безволосой головой и острыми ушами. «Chauve-souris!» – подумал Саша, пытаясь вспомнить, что эти слова значат и откуда он их знает, но не смог. Было такое ощущение, что нетопырь схватил его за шиворот и теперь несет, хлопая крыльями. Все кружилось перед глазами, нити улиц путались, и вдруг он ощутил, что его бросают вниз!

Асфальт приближался стремительно, однако удара Саша не почувствовал – он словно бы плавно спланировал на землю. И в то же мгновение что-то вцепилось в его футболку сзади и поволокло по жесткому асфальту.

Голова еще кружилась, перед глазами все мелькало, он совершенно ничего не соображал, но попытался вырваться. Футболка угрожающе затрещала, однако тот, кто его тащил, не отставал.

Постепенно мельтешение в глазах исчезло, и Саша обнаружил, что сидит в центре блеклого пятна с черной каймой, похожего на лоскут ткани, аккуратно обметанного черной ниткой. И такое впечатление, кто-то неизвестный очень хо-

чет его с этого лоскута стащить, однако сделать это ему никак не удастся.

В этом пятне с черной каймой было что-то настолько злое, что Саша и сам невольно попытался сползти с него, но не смог: пятно словно бы приклеилось к его джинсам и продолжало тащиться по асфальту вслед за ним.

Послышался треск веток, и в кустах близ дорожки что-то зашевелилось. Казалось, оттуда пытался выбраться некий бесформенный сгусток тьмы!

Саша взвизгнул от ужаса, вспомнив, что парк Кулибина разбит на месте старого кладбища, что сейчас ночь, глухая ночь и, веришь ты в оживших мертвецов или нет, тебе сейчас, кажется, придется убедиться в их существовании.

Сгусток тьмы вывалился из куста, мгновенно принимая четкие очертания, и Саша увидел перед собой огромного рогатого козла. Козел вздыбился – и обернулся высоким человеком, облаченным во все черное. Лицо его тоже было черным, и тяжелые темные веки почти прикрывали его глаза.

Ударило воспоминание, что Саша уже видел такое однажды, видел, но прочно забыл, а теперь вспомнил! И это воспоминание было связано с полетами на кладбища, прикосновением к холодным надгробным памятникам, с глазами, в которых постепенно угасал свет жизни...

С плеча черного человека сорвался нетопырь и метнулся вперед. Саша загородился ладонями, уверенный, что мерзкая летучая тварь сейчас вцепится в его лицо, выцарапает

глаза, однако нетопырь просвистел мимо, а в следующий миг за Сашиной спиной раздался стон – и он почувствовал, что тот, кто пытался стащить его с бледного пятна, выпустил его футболку.

Сзади что-то визжало, рычало, порою громко стонало от боли, и Саша понимал, что это неведомое существо сражается с нетопырем. Повернуться он не мог, потому что от взгляда черных, непроглядно-черных глаз неизвестного человека словно бы окаменел, лишился возможности двигаться.

Шум драки сзади начал отдаляться, и Саша понял, что существо бросилось в бегство, а ведь оно пыталось спасти его, как же он сразу этого не понял?!

Теперь надеяться было не на кого, кроме себя, а сам он не мог шевельнуться.

Черный человек наклонился над ним:

– Имя, – прозвучал глухой, тяжелый, словно бы тоже черный голос, – день твоего появления на свет, место, где издавна властвовал вечный покой, знак смерти, который ты постоянно носишь с собой... Разве ты забыл, что ты мой помощник и служишь мне, пока ночь владеет миром?

Его слова прервал пронзительный визг. Нетопырь снова просвистел мимо Саши, но уже в обратном направлении, ударился в грудь черного человека и рухнул перед ним на дорожку. Вслед за ним, почти задев голову Саши и осыпав его какими-то крошками, пролетело что-то еще.

Резко запахло ванилью. Черный человек пошатнулся, и

Саша наконец смог отвести – вернее, отдернуть от него взгляд.

При блеклом свете, который исходил от пятна, он рассмотрел, что осыпан землей и меленькими цветочками, а перед ним лежит какое-то цветущее растение, вырванное с корнем. Немедленно сзади прилетело еще одно такое же растение, потом еще одно и еще. Блеклый лоскут задергался словно в страхе.

Еще одно синее растение ударило черного человека в голову. Он с глухим стоном отпрянул в кусты, исчез в них, но тотчас оттуда вытянулась длинная черная рука, оканчивающаяся не пальцами, а копытом, и зашарила по асфальту. Саша хрипло завопил, подбирая ноги и понимая, что немедленно умрет от ужаса, если *это* коснется его. Из копыта выдвинулись два черных человеческих пальца с длинными ногтями. Одним пальцем рука подцепила с дорожки неподвижного нетопыря, другим – бледный лоскут и втащила их в куст. Затрещали ветки, зашевелился сгусток тьмы, теряя всякие очертания, словно бы растворяясь в темноте... и Саша постариковски тяжело, шатаясь, поднялся на ноги.

Надо было бежать, бежать, но у него подкашивались ноги, а кроме того, было страшно повернуться к кусту спиной: а вдруг оттуда опять высунется черная рука и вцепится в него. Попятился – и чуть не упал, потому что под колени ему ткнулось что-то мягкое и теплое.

Обернулся... да это Савва!

Пес резко встряхнулся – с него посыпались земля и мелкие синие цветочки, – а потом вцепился зубами в Сашину штанину и потащил за собой.

Саша, ничего не соображая, задвигал ногами – сначала медленно, потом быстрее, быстрее и через мгновение уже летел из парка во всю прыть, а сзади, прикрывая ему спину и порой грозно взрыкивая, словно отпугивая врагов, несся Савва.

* * *

Саша проснулся от яркого света, бившего в лицо, но некоторое время лежал с закрытыми глазами, вздрагивая от непонятного страха и пытаясь сообразить, где находится. Он чувствовал, что лежит одетый, на чем-то довольно мягком, но не мог понять, что это такое и почему он одет. Все произошедшее с тех пор, как он выбросил фотографии Аси в мусорный ящик в парке Кулибина, он начисто забыл.

Не без опаски пошарил вокруг. Похоже было, что лежит он на своем собственном диване, только без простыни, подушки и одеяла.

Тогда Саша наконец решился и открыл глаза.

Солнце светило прямо в не задернутое шторами окно, и он снова зажмурился.

Что происходило ночью?

Напряжение мыслей заставило его сильнее затрястись от

непонятного, необъяснимого страха. И страх этот еще усилился, когда из коридора донеслись странные чавкающие звуки. Похоже, кто-то что-то грыз и давился этим сгрызенным.

Саша немедленно вспомнил читанную совсем недавно повесть известного творца ужастиков о том, как некое существо, а может быть вещество, а может быть и вообще пространство как таковое, *переживывало* попавшегося ему медведя. Однако сейчас это существо-вещество-пространство, кажется, не чавкало, не давилось... и стонало!

Ну да, он отчетливо услышал стон... вернее, слабый визг, как будто собака скулила.

Саша вскочил.

Савва? Да нет же, Савва бросил его вчера в кремле. Но почему-то кажется, что потом пес вернулся и они вместе сломя голову мчались из парка Кулибина, а сзади, в кустах, осталась страшная клубящаяся тьма...

Или это приснилось?

Саша попытался мысленно отделить явь от сна, однако вновь раздавшийся слабый визг заставил его выглянуть в коридор – и замереть.

Савва! Савва лежал на полу, безжизненно вытянувшись, а из его пасти торчала... Сашина кроссовка. Правая.

Саша на миг зажмурился, отказываясь верить глазам, а потом бросился к Савве и начал трясти его, бормоча:

– Савва, ты что?! Да ты что, Савва?!

Голова пса вяло моталась из стороны в сторону, глаза были закрыты.

Саша приложил ухо к его боку. Бок был теплый, но биения сердца он не услышал.

– Савва!!!

Вспомнив, какое живительное действие совсем недавно произвела на измученного пса обыкновенная вода, Саша метнулся в ванную, набрал ковш, вернулся в прихожую и принялся брызгать на морду Саввы, набирая полный рот воды, такой холодной, что заломило лоб. Потом сбегал в ванную еще раз и еще, залил водой все в прихожей, но пес не шевелился.

Саша смотрел на него в отчаянии, ничего не понимая, не зная, что делать.

Если бы это был человек, Саша вызвал бы «Скорую». Но, может быть, они бывают и для собак?..

Рванулся было к компьютеру, чтобы выйти в Интернет и отыскать ветеринарную «Скорую» в Нижнем, но тут раздался звонок в дверь. Саша открыл – и отлетел в сторону, так стремительно ворвалась в прихожую Ангелина Богдановна, звеня браслетами, на ходу завязывая халат, из-под которого виднелась ночная рубашка в цветочек, и теряя шлепанцы, надетые на босу ногу. Ее седые кудряшки были взлохмачены.

Не обращая внимания на Сашу, соседка нагнулась над Саввой и, приподняв ему веки, заглянула в один глаз, в другой, потом в бессильно приоткрытую пасть...

– Так вот оно что... – пробормотала она, переведя взгляд на Сашу, а потом властно указала на злополучную правую кроссовку, стоявшую посреди лужи: – Дай мне! Быстро!

– Он грыз ее! – воскликнул Саша. – Но не может же быть, чтобы из-за этого...

– А из-за чего еще?! – прошипела Ангелина Богдановна. – Срочно нужно лекарство!

– Я сбегаяю! – так и подскочил Саша. – Ветеринарная аптека недалеко, на Ванеева. Что купить?

– Ему нужен гелиотроп, – отрывисто бросила Ангелина Богдановна, разглядывая подошву кроссовки. – Помнишь? Синие цветочки, запах ванили... Гелиотроп растет в парке. Беги туда. Найди клумбу. Скорей!

Саша рванулся было вперед, но Ангелина Богдановна поймала его за край футболки:

– Обуйся сначала.

Он машинально сунул ноги в кроссовки, краем сознания удивившись, что в правой мокро. Ну да, сейчас она стояла посреди лужи, но ведь раньше он сто раз бегал в ней по лужам и она не протекала...

– Она протекает потому, что Савва выгрыз проклятый камень! – сказала вдруг Ангелина Богдановна. – Тот, который ты привез с Острова смерти.

Саша покачнулся:

– Что?!

– Долго рассказывать, – отмахнулась Ангелина Богданов-

на. – Беги!

Он выскочил из квартиры.

Саша мчался так быстро, что ноги заплетались, но ему казалось, что заплетаются они в какой-то нереальности, которой вдруг будто сорной травичей поросла его нормальная, пусть в последнее время и довольно печальная, жизнь. Нет, не только жизнь, но и память. Из памяти что-то пропадало, что-то в ней вдруг возникало – такое, какого быть просто не могло, – и от этого становилось страшно!

«Какой камень выгрыз Савва из кроссовки? При чем тут какой-то Остров смерти? Ангелина Богдановна Спиналонгу, что ли, имела в виду? Бред какой-то... А может быть, я с ума сошел? – вдруг подумал Саша. – С ума сошел от горя, потому что отец меня бросил, потому что у него есть другая семья, которую он любит больше, чем нас с мамой? Ну почему, почему они ему дороже, чем мы?!»

Саша вдруг замер, почувствовав: он знает, знает почему, точно знает почему – но не может вспомнить, не может, хоть головой об стену бейся!

Может быть, он так и поступил бы, потому что это ощущение застрявшего где-то в подсознании воспоминания было болезненным, мучительным, однако ни одной стены поблизости что-то не просматривалось: кругом стояли деревья да кусты, и Саша сообразил, что уже примчался в парк.

В парк Кулибина! Он прибежал сюда за синим цветком, который пахнет ванилью и называется «гелиотроп»! Цветок

нужен, чтобы спасти Савву!

Почему его спасет этот цветок?

Неизвестно. Но так сказала Ангелина Богдановна, которая, кажется, знает кучу совершенно невероятных вещей...

Саша заметался по аллеям, дорожкам, тропкам парка, отчаянно разыскивая клумбу, на которой рос гелиотроп, но не мог найти. Клумб было немало, одна стояла вообще пустая, ничем не засаженная, на других в изобилии цвели астры, георгины, любимые цветы Сашиной мамы – космеи, еще какие-то лютики-цветочки, но только не гелиотропы.

Однако же она была, ну была же где-то эта клумба! Но ее нет. Как сквозь землю провалилась!

Или... или он видел ее во сне? И ее нет в реальности?

Есть! Должна быть! Ведь Саша отлично помнит, как Савва – тогда еще не Савва, а просто грязный умирающий пес – помогал отбиваться от какой-то гадости, засевшей в кустах.

Так. Надо сосредоточиться!

От той клумбы он понес умирающего пса к ТюЗу, где был кран. Бежал напрямик, по газону, по чуть видной тропке.

Саша вернулся к серой стене театра, встал около крана, отыскал в траве тропку и пошел по ней в обратном направлении, надеясь, что так выйдет к пропавшей клумбе с гелиотропом.

Тропа вывела Сашу на боковую асфальтированную аллею, к той самой клумбе, около которой он сегодня уже носился как ищейка. Но на ней не росло никаких цветов вообще.

Земля была вскопана и тщательно взрыхлена.

Что за бред! Ну здесь, точно, это было здесь, – но почему на клумбе нет цветов?

Чуть не рыча от злости, Саша наклонился ниже – и вдруг заметил, что трава чуть сбоку от клумбы усыпана мелкими синими цветочками.

Поднял с земли несколько штук, старательно рассмотрел, для верности понюхал.

Гелиотроп! Он самый! Значит, и клумба та самая.

Но куда же подевались цветы? Кто их вырвал и зачем?

Проследив взглядом цепочку синих цветков, которая вела к кусту, Саша осторожно раздвинул ветки, заглянул за них – и чуть не упал, увидев нечто... он не мог найти слов для описания... ни тьма, ни свет, а некое пространство, туманная пелена, в которой мелькали фигуры людей, изредка поднимая головы и взглядывая прямо в глаза Саше. Происходило это так быстро, что он не смог бы разглядеть толком ни одного лица, и все же каждый взгляд был настолько живым и выразительным, что он невольно вздрагивал.

Внезапно несколько лиц слились в одно, их черты смешались, несколько ртов образовали один огромный провал, из которого исторгся мрачный, враз оглушающий и в то же время вкрадчивый голос:

– Александр!

От неожиданности Саша отпрянул так резко, что свалился на землю.

Сел, растерянно хлопая глазами.

Куст как куст. Ветки и листья. Неведомо, как он называется, с виду самый обыкновенный, здесь, в парке, таких полно по бокам дорожек. Но только что там, внутри, Саша видел какую-то совершенно непонятную штуку.

И кто его окликнул? Или показалось?

Так уже было, вдруг вспомнил Саша. Позавчера... нет, позавчера он шел поздним вечером от Витька, забрел в парк, и кто-то заорал точно таким же голосом: «Александр!»

Саша откликнулся, а потом...

Что потом?

Не помнит! Он опять не помнит!

Саша снова сунулся в куст, однако там ничего не оказалось, кроме самых обыкновенных веток и листьев. Пахло землей и травой, пахло древесной корой – несколько веток были сломаны.

Значит, в очередной раз показалось?

И вдруг Саша остро ощутил, что упустил какой-то шанс. Шанс понять то, что оставалось непонятным вот уже который день. Шанс вспомнить то, что толклось в голове, не давало покоя – и никак не вспоминалось. Шанс отличить то, что чудилось, от реальности. А главное, шанс совершить... что? Он не знал, не понимал этих слов, но оно отчетливо прозвучало в голове, как если бы кто-то шепнул его вкрадчивым и в то же время мрачным голосом, как тот, который окликал его по имени. Сожаление от потерянного толкнуло

Сашу вперед. Он без раздумий всунулся в куст, зажмурился, потому что чуть не выткнул глаз веткой, и заорал что было мочи:

– Александр! Я Александр!

Что-то словно бы ударило его в лицо: ударило волной ветра, солнечного жара, людского гомона. Он открыл глаза – и обнаружил, что стоит на широкой дороге, казалось сложенной из разноцветных осколков стекла, камня, разбитых зеркал... как мозаика! У Саши закружилась было голова, но это неприятное ощущение тотчас прошло, и он увидел перед собой просторную каменную площадь, окруженную развесистыми деревьями и строениями с колоннами. Солнце садилось, очертания домов таяли в тени, но Саша разглядел, что на площади кое-где возвышались беломраморные статуи, увенчанные венками. Рядом стояли корзины с яблоками и виноградом. На площади толпились люди в странных длиннополых или очень коротких одеждах тускло-белого цвета. Дети вообще бегали голышом.

Было такое ощущение, что Саша видит картинку с какого-нибудь сайта по истории... по истории Древней Греции. Ну конечно! Всяких древнегреческих картинок он нагляделся о-го-го сколько, особенно тех, которые касались одежды, и сейчас сразу распознал хитоны и пеплосы, гиматионы и хламиды⁴.

---

⁴ Хитон – нижняя одежда мужчин и женщин в Древней Элладе: два прямоугольных куска тонкой шерсти или льна, скрепленных на плечах и подпоясан-

Но сейчас перед ним были не картинки – сейчас перед его глазами разворачивалась живая жизнь. Некоторые люди были босы, некоторые обуты в кожаные сандалии. Саша слышал голоса, причем, как это ни удивительно, понимал каждое слово чужого языка.

Из разговоров стало ясно, что люди нетерпеливо ждут появления какого-то человека по имени Александр.

– Александр? – пробормотал Саша. – Кто это?

– Лжепророк, – презрительно проговорил кто-то рядом.

Это оказался мужчина в длиннополом гиматионе. Лицо чисто выбрито, светлые волосы уложены аккуратными локонами. Это явно был знатный человек.

– Александр очень ловко морочит народ священными именами Аполлона и Асклепия⁵, – проговорил он. – Пугает своей ручной змеей. В этих местах водится много ежей, которые всех змей истребили, люди отвыкли от них, вот и смотрят на все, что им показывает Александр, как на чудо. Однако помяни мое слово: он за это рано или поздно поплатится. Я с нетерпением буду ждать этого дня, а потом напи-

---

ных. Хитон мог быть коротким и длинным. Пеплос – женская верхняя одежда из легкой ткани в складках, без рукавов. Его надевали поверх хитона. Гиматион, или гиматий, – длинный плащ, который носили и мужчины, и женщины: прямоугольный кусок шерстяной ткани, в который можно было завернуться разными способами. Хламида – короткий плащ. Хламиду накидывали только на левое плечо и закрепляли застежкой на правом.

⁵ Аполлон – в древнегреческой мифологии олицетворение солнечных лучей, покровитель предсказаний и искусств. Асклепий (Эскулап в древнеримской мифологии) – сын Аполлона, бог врачевания.

шу книгу, которую прочтут и в Элладе, и в Риме. Все будут знать, что с богами шутки плохи! Аполлон и Асклепий еще отомстят Александру за оскорбление! А ты, наверное, чужеземец, если не слыхал про этого негодяя? Позволь узнать, откуда ты прибыл? Как твое имя? Меня же зовут Лукиан из Самосаты.

Лукиан?! Уж не про него ли говорил Макс в тот вечер, когда они все собрались у Витька? И труд Лукиана именно так и назывался: «Александр, или Лжепророк»...

В это мгновение Лукиан поглядел куда-то в сторону и воскликнул:

– А вот и этот гнусный нечестивец! О Геракл, избавитель от зла! О Зевс, отвратитель несчастий! О Диоскуры-спасители! Лучше встретиться с врагом и недругом, чем иметь дело с человеком, похожим на Александра!

Саша обалдело тарашился на него. Он эти слова недавно в Интернете читал, а теперь слышит их своими ушами!

Тем временем Лукиан начал проталкиваться сквозь толпу к центру площади, где появился высокий мужчина в черном гиматии. Из-под полы высовывался хвост черной змеи, волочившийся по земле. Саша вздрогнул от страха и отвращения, а собравшиеся выкрикивали приветствия и падали перед Александром ниц.

– Эти простодушные и доверчивые люди чествуют не только обманщика, но и убийцу, – раздался рядом негромкий женский голос.

Саша обернулся.

Судя по богатому синему узору на полах длинного хитона, с ним заговорила какая-то знатная горожанка. В отличие от остальных женщин, которые лишь слегка прикрывали волосы, но не прятали своих красивых лиц, она придерживала край тонкого гиматия так, чтобы он скрывал и голову, и лицо. Саша видел только блеск ее глаз. На запястье отливал тусклой медью браслет с большим синим камнем, в котором можно было разглядеть красные пятнышки.

– Он выдает себя не только за пророка, но и за врача-лечебника безнадежных больных, – продолжала женщина. – Однако единственное лекарство, которое он прописывает, – смерть. А между тем все его предки были истинными защитниками людей! Они были истребителями вриколасов⁶ на Калидоне.

– А кто такие вриколасы? – изумленно спросил Саша, но тут же прикусил язык, испугавшись, что не знает того, о чем известно всем.

Что бы такое наврать, если его опять спросят, откуда он прибыл? Как назло, все греческие названия напрочь вылетели из памяти, кроме Спиналонги!

Но женщина ни о чем не спросила.

– Вриколасы – это ожившие мертвецы, – пояснила она. – С древних времен скалистая окраина полуострова Калидон служила кладбищем для проклятых, самоубийц или преступников. Видишь ли, на островах, в том числе и на Крите,

---

⁶ Вриколас в переводе с греческого означает «вампир».

мало плодородной земли, и люди жалели тратить ее, закапывая в нее трупы злодеев. Поэтому их отвозили в особые уединенные места и сбрасывали в скалистые трещины или просто заваливали камнями. На Крите таким местом стал Калидон. Но если мертвец не засыпан землей, он может выйти из могилы и продолжать творить свои страшные дела: преследовать живых, мучить их кошмарами и пить их кровь. Потом, когда люди узнали об этом, они перестали свозить трупы на Калидон, но там уже появилось так много вриколасов, что постепенно они стали истинным проклятием всего Крита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.